

Е. А. Мельникова

Древняя Русь и Скандинавия

Избранные труды

Университет Дмитрия Пожарского

Елена Мельникова

**Древняя Русь и Скандинавия:
Избранные труды**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2011

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

Мельникова Е. А.

Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды /
Е. А. Мельникова — «Русский фонд содействия образованию и
науке», 2011

ISBN 978-5-91244-073-1

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к юбилею доктора исторических наук, заведующего центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН Елены Александровны Мельниковой. В сборник вошли статьи, написанные Е.А. Мельниковой индивидуально и в соавторстве с В.Я. Петрухиным и Т.А. Пушкиной. Статьи организованы в четыре тематических раздела, освещающих процессы образования ранних государств в Северной и Северо-Восточной Европе и роль скандинавов в образовании Древнерусского государства; происхождение названия «русь» и формирование династии Рюриковичей; роль скандинавов в жизни Древнерусского государства; место Древней Руси на международных путях. Для историков, филологов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, для исследователей истории Древней Руси.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

ISBN 978-5-91244-073-1

© Мельникова Е. А., 2011
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2011

Содержание

От редакторов	7
Древняя Русь и Скандинавия в трудах Е. А. Мельниковой	8
Часть I	11
К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)	11
Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект)	25
Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Мельникова

Древняя Русь и Скандинавия:

Избранные труды

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of World History
DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

Elena A. Melnikova

Old Rus' and Scandinavia
Selected Papers

Edited by Galina V. Glazyrina and Tatjana N. Jackson

Dmitriy Pozharskiy University Moscow 2011

Под редакцией Г. В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Издание подготовлено в рамках работы над проектом «Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза (Компаративное исследование)» программы секции истории ОИФИ «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» и проектом «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

© Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., составление, 2011

© Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, текст, 2011

© Институт всеобщей истории РАН, 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

© Иванов Е.Г., дизайн макета, верстка, 2011

В оформлении обложки использован инициал Евангелия апракос (РГАДА. Ф. 381 (Сии. тип.) № 7. Л. 162, XIII в., Новгород)

От редакторов

Тридцать три года разделяют выход в свет двух очень важных для отечественной исторической науки книг, имеющих одинаковое название: «Древняя Русь и Скандинавия». Более ранняя представляет собой издание архивных материалов погибшей во время Ленинградской блокады первой советской скандинавистики, Елены Александровны Рыздзевской¹. Этой публикацией фактически открывался ежегодник «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» – детище нашего учителя Владимира Терентьевича Пашуто. С самого основания созданного им в Институте истории СССР АН СССР Сектора научным сотрудником, бессменным помощником В.Т. Пашуто, а ныне и руководителем Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН – восприемника сектора В. Т. Пашуто – была и остается филолог и историк, англо-саксонист, скандинавист и русист Елена Александровна Мельникова, в чью честь подготовлен настоящий сборник.

В нарушение канонов такого жанра юбилейных сборников, как «Избранные труды» («Heine Schriften», «Collected papers»), данное собрание статей осуществлено не самим автором, а ее коллегами и друзьями, осознающими «наступающее на статьи забвение»², непреходящую значимость произведений «малого жанра», созданных Е. А. Мельниковой на протяжении ее научной карьеры, и, наконец, целостность этого материала, содержащего глубокое изучение процессов становления государства на Руси и той роли, которую – «в качестве наемников-князей, воинов, купцов, дипломатов» – сыграли скандинавы «в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства»³.

Мы включили в сборник не только моно-статьи, но и работы, написанные Е. А. Мельниковой в соавторстве с В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной. Статьи организованы в четыре тематических раздела, освещающих процессы образования ранних государств в Северной и Северо-Восточной Европе и роль скандинавов в образовании Древнерусского государства; происхождение названия «русь» и формирование династии Рюриковичей; роль скандинавов в жизни Древнерусского государства; место Древней Руси на международных путях.

Хотим поблагодарить оказавших нам большую помощь в подготовке сборника к печати Т. В. Гимона, А. В. Подосинова и А. С. Щавелева.

Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон

¹ Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Материалы и исследования // ДГ. 1978 год. М., 1978.

² Это меткое выражение использует А. Я. Гуревич в предисловии к своим избранным статьям: *Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет.* М., 2005. С. 5.

³ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Сканд. конф. М., 1968. Ч. I. С. 176–177.

Древняя Русь и Скандинавия в трудах Е. А. Мельниковой

Е. А. Мельникова – ведущий в отечественной науке и признанный мировым ученым сообществом исследователь русско-скандинавских отношений в раннесредневековый период. Путь к этой проблематике, включавшей вечный и «проклятый» вопрос российской истории – «варяжский вопрос», не был простым для начинающего ученого, увлеченного совсем иными и не менее замечательными темами. Как филолог Е. А. Мельникова занималась англо-саксонским эпосом – поражающим воображение творением раннесредневековой культуры; любимой темы она не оставила, ей была посвящена популярная книга «Меч и лира» (М., 1987). Выбор магистрального для научной жизни Е. А. Мельниковой направления был связан с актуальными потребностями отечественной исторической – и, шире, гуманитарной – науки, сформулированными в начале 1970-х гг. В.Т. Пашуто: для понимания русской истории нужно было знать «внешние» источники, специфику их языка – нужны были специалисты-филологи, которых стал приглашать В. Т. Пашуто для создания Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР».

Е. А. Мельниковой как скандинависту пришлось тогда заняться практически неведомой для отечественной историографии категорией памятников – руническими надписями. При обсуждении первых итогов исследования в нашем ученом мире не обошлось без недоумений. Лапидарные надписи меморативного или «бытового» характера не имели прямого отношения к кардинальным вопросам российской историографии и хронологически отстояли более чем на столетие от эпохи «призвания варягов». После издания книги «Скандинавские рунические надписи» – первого выпуска Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (М., 1977) – стало ясно, сколько новой информации содержит руническая эпиграфика: в надписях содержались уникальные данные по исторической ономастике, сведения о трансконтинентальных контактах, известия, характеризующие как макро-, так и микроисторию. Столь же очевидной стала необходимость комплексного – междисциплинарного – подхода к источникам: эпиграфика, данные саг, летописей и археологии оказывались часто в «дополнительном распределении» в отношении проблем, интересующих историка. Особую роль здесь играла археология, дающая все новые и обширные материалы, в том числе по рунической эпиграфике. Естественным стало тесное сотрудничество Е. А. Мельниковой с сообществом археологов – как с авторами новых находок рунических надписей, так и с коллективами, занимающимися проблематикой «норманнских» древностей: в первую очередь с участниками археологических семинаров Ленинградского университета (Г. С. Лебедев, И. В. Дубов и др.) и МГУ (Д. А. Авдусин, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина и др.).

Не менее значимым стало содружество со скандинавскими коллегами, как рунологами, так и археологами и историками, особенно когда отпали официозные препоны для совместной работы и возникли совместные проекты – инициатором многих из них стал шведский археолог Ингмар Янссон. В 1980 г. Е. А. Мельникову избрали членом Шведской академии.

Изучение древностей Восточной и Северной Европы в широком контексте привело Е. А. Мельникову и ее коллег к пониманию того, что традиционное отношение к русско-скандинавским связям как к одностороннему воздействию выходцев из Скандинавии на развитие Руси нуждается в пересмотре. Восточная и Северная Европа в раннем средневековье была единым этнокультурным регионом – массовый материал и лексические заимствования свидетельствуют об интенсивном взаимодействии «Востока» и «Севера». В 1980-е гг. появилась серия статей Е. А. Мельниковой (в том числе с соавторами), посвященных «восточным» влияниям в культуре раннесредневековой Скандинавии.

В последний период советской историографии (1980-е гг.) мыслящие историки интенсивно искали возможности новых подходов для решения «традиционных» проблем. Когда В. Т. Пашуто предложил издать перевод книги польского академика Х. Ловмянского «Русь и норманны» (польское издание вышло в 1959 г.), это было воспринято Е. А. Мельниковой с энтузиазмом, ибо издание предполагало комментарии и, стало быть, давало возможность продемонстрировать новые подходы и новые материалы по «старым» проблемам. Комментарии, отражавшие состояние норманнской проблемы на середину 1980-х гг., составили едва ли не половину русского издания книги Ловмянского: в них был затронут и запретный для официальной советской историографии вопрос о происхождении имени «русь». Тогда давние филологические реконструкции, возводящие это имя к обозначению «гребцов» – дружины, идущей в поход на гребных судах, обрели исторический контекст: археологический материал свидетельствовал, что лодки скандинавы использовали не только в прикладных целях – без них не обходился и погребальный обряд. Дружинное значение имени «русь» позволило правильно понять и ранние летописные тексты – с варяжскими князьями был призван не неизвестный скандинавский народ, а дружина. Жупел «реакционной норманской теории» оставался, однако, самодовлеющим в официальной историографии: статья о названии «русь» несколько лет лежала в портфеле «Вопросов истории» и вышла лишь в 1989 г. Столь же сложной оказалась и судьба статьи о названии «варяг», отклоненной журналом «История СССР»: мне запомнилось заключение рецензента, обвинявшего авторов в том, что они доверились «топорной работе летописца». Статья увидела свет уже в постсоветский период в журнале «Славяноведение» (1994 г.).

Тем временем Е. А. Мельникова продолжала работу над «Сводом», которую ей пришлось возглавить после смерти В.Т. Пашуто: в 1986 г. вышел ее очередной авторский выпуск, посвященный древнескандинавским географическим сочинениям. Интерес Е. А. Мельниковой к исторической географии не был и не мог быть сугубо прикладным – информация об окраине мира, содержащаяся в ранних географических сочинениях, предполагала не просто соотношение с современными картами: необходимо было учитывать «образ мира», ту сложившуюся в ментальности людей средневековья модель, которая оказалась в центре внимания «новой» исторической науки второй половины XX в. В 1990 г. Е. А. Мельникова защитила докторскую диссертацию «Представления о Земле в общественной мысли Западной и Восточной Европы в средние века», а в 1998 г. опубликовала книгу «Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века».

Так формировалось перспективное направление в источниковедении, рассматривающее источники сквозь призму «общественной мысли» средневековья; это относилось и к проблемам начальной русской истории, в том числе к феномену «призвания варягов». В работах 1990-х–2000-х гг. развиваются и обосновываются на сравнительном европейском материале идеи о договорных отношениях – «ряде» между племенными образованиями севера Восточной Европы и дружинами скандинавской «руси», который отразился в летописной легенде о призвании варягов. Место этих «дружинных» структур и отношений в типологии раннесредневековых государств – еще одна важная тема, разрабатываемая Е. А. Мельниковой.

Развитие направления, порывающего с антинорманистскими стереотипами номенклатурной науки и опирающегося на междисциплинарное исследование и углубленное понимание источников, не могло не вызвать раздражения пребывающих у власти адептов этих стереотипов. В этой среде были сделаны попытки реанимации донаучных стереотипов в духе средневекового «Сказания о князьях Владимирских», возводящих Рюрика к родичу самого Августа Прусу, кабинетных этимологий М. В. Ломоносова и С. А. Геденова, соотносящих Пруссию и Русь, вагров и варягов ит.п.: в основе «методики» этих опусов, естественно, оказывается не «образ мира», а «образ врага». Попытка возрождения застарелых историографических схем встретила достойную отповедь Е. А. Мельниковой и ее коллег. Poleмика новых «антинорманистов» с оппонентами сводилась к попыткам ошельмовать их и к использованию традиционных

номенклатурных методов – Сектор истории древнейших государств вынужден был под давлением А. Н. Сахарова покинуть Институт российской истории. Новый выпуск «Свода», посвященный корпусу рунических надписей, Е. А. Мельникова издала в 2001 г. уже под грифом не только Института российской истории, но и под грифом приютившего сектор Института всеобщей истории, возглавляемого А. О. Чубарьяном, где традиции комплексного источниковедения были продолжены, где ежегодно проводятся Чтения памяти В.Т. Пашуто («Восточная Европа в древности и средневековье»). Под редакцией Е. А. Мельниковой продолжается и издание ежегодников «Древнейшие государства Восточной Европы», без которых невозможно развитие отечественной медиевистики.

Новый этап развития судьбоносной для Е. А. Мельниковой темы «Древняя Русь и Скандинавия» требует новых усилий по расширению источниковой базы: многое было сделано в книге «Скандинавские рунические надписи – новые находки и интерпретации», включающей анализ граффити на монетах и предметах из раскопок. Но вещи с граффити – лишь малая часть огромного корпуса находок предметов скандинавского происхождения, обнаруженных от Прибалтики до Западной Сибири. Е.А. Мельникова стала инициатором подготовки свода скандинавских древностей в Восточной Европе. Это колоссальное предприятие требует немалых средств и усилий большого числа специалистов, авторов раскопок, музейных работников, разобращенных в пределах новых политических образований, однако авторитет и энергия Елены Александровны позволяют надеяться на успех и дальнейшие научные свершения.

В. Я. Петрухин

Часть I

Образование государства

К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)

Е. А. Мельникова

Проблемы перехода от родового к классовому обществу, от племенной организации к государственной приобрели в мировой науке новое освещение в 1960-1970-е гг., когда они стали одним из основных предметов социальной антропологии⁴. Исследования обществ, переживавших переход к классовому строю, европейских (средиземноморских в гомеровский период и германских в первые века и. э.) и неевропейских (африканских, индейских, полинезийских в XIX–XX вв.) позволили выделить некоторые универсалии, определить последовательные этапы процесса и создать типологию социальных и политических структур переходного периода.

Не прошли эти вопросы мимо внимания и отечественных исследователей. Острые дискуссии 1960-х гг. о путях возникновения государства и его характере на ранних этапах⁵ заложили основы для дальнейшего и более систематического изучения пред- и раннегосударственных образований отечественными историками, политологами, философами. Особенно большой вклад был внесен этнологами, широко опиравшимися на международную историографию и существенно продвинувшими общетеоретическую разработку проблемы⁶.

Однако в конкретно-исторических исследованиях, прежде всего в области изучения Древнерусского государства, продолжает довлеть схема, выработанная в 1930-1950-е гг. на основе ленинской интерпретации марксистской теории классов и государства. Жесткая формационная схема и понимание государства как репрессивной в первую очередь структуры привели к невозможности адекватно охарактеризовать социально-политический строй доклассовых обществ в Восточной и Северной Европе, типологическое сходство развития которых неоднократно отмечалось в отечественной литературе⁷. Отсюда в значительной степени истекает чрезвычайно широкий временной диапазон (от VIII до XIII в.), к которому различные исследователи относят образование Древнерусского и древнескандинавских государств. Если исходить из бытующего в отечественной историографии определения государства как аппарата для подавления большинства в интересах меньшинства, то, действительно, более обоснованными выглядят «поздние» датировки, которые учитывают наличие оформившихся классов и крупного частного землевладения – одного из основных показателей феодализма. Вместе с

⁴ См.: Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М., 1979; Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroll and R. Cohen. L.; N.Y., 1973; Handbook of Social and Cultural Anthropology / J. Honig-mann. Chicago, 1973; Encyclopedia of Anthropology / D.E. Hunter and Ph. Whitten. N.Y.; L., 1976.

⁵ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974; и др.

⁶ См.: От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; История первобытного общества. Эпоха классов. М., 1988.

⁷ См., в частности: *Шаскольский И. П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 95–99; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Там же. С. 99–108.

тем у большинства исследователей не вызывает сомнения существование в этих регионах по меньшей мере в X–XI вв. государственных образований, относимых ими к «раннеклассовым», «раннефеодальным», «варварским».

Другим результатом последовательного применения сложившейся в советской историографии концепции было установление прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство. В рамках этой концепции государство может возникнуть лишь тогда, когда сложилось или по меньшей мере формируется классовое общество; оно не может существовать вне рабовладельческой или феодальной, т. е. первой классовой, формации. Поскольку государства последующего времени в восточнославянском, германском, скандинавском регионах являются феодальными, то элементы феодализма, по мнению большинства исследователей, должны проявляться с момента зарождения государственности. Сам же период, предшествовавший образованию феодального государства, обозначается как «варварский», «дофеодальный», «предфеодальный», «полупатриархально-полупеодальный» – терминами, которые, как справедливо отметил Л. В. Черепнин, не несут позитивного содержания и не дают сущностной характеристики периода⁸.

Даже выделение особого «переходного» периода между первобытнообщинным и феодальным строем у славян вызывало возражения, поскольку это означало бы признание существования межформационных периодов⁹. Переходные стадии, согласно Л. В. Черепнину, «не меняют единства процесса общественного развития и не должны нарушать формационного принципа его членения»¹⁰. Поэтому ради сохранения «чистоты» схемы переходные периоды должны включаться в какую-либо из формаций – в случае с Древнерусским государством в феодальную; ведь как бы ни определять государство, очевидно, что на Руси оно существует в конце IX, не говоря уже о X в. Более того, в конце X в. это единое, охватывающее огромную территорию государство – «империя Рюриковичей», которое не могло возникнуть в одночасье. И поэтому усилия многих историков 1960–1980-х гг. (Б.Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто) были направлены на поиски следов феодальных отношений в X, IX вв. и даже ранее, чтобы обосновать феодальную сущность складывающегося государства.

Тем не менее убедительные результаты достигнуты не были. Признание определяющим признаком феодализма существование государственной или частновотчинной собственности на землю, ставящей непосредственного производителя в зависимость от собственника земли и позволяющей отчуждать прибавочный продукт методами внеэкономического принуждения, ставило непреодолимые препятствия. Л. В. Черепнин не мог не признать, что княжеское индивидуальное землевладение возникает во второй половине XI в., вотчина же – в XII в.¹¹. (Этим же примерно временем, концом XI в., датирует появление княжеского домена в Новгородской земле В. Л. Янин¹²). Однако верховная государственная собственность на землю, по мнению Л. В. Черепнина, формируется гораздо раньше. Ее существование он прослеживает в X в., а А. А. Горский – уже с начала X в. в формах окняжения территорий племен, с которых в виде даней и собирается «феодальная рента»¹³.

Однако источники не дают никаких оснований говорить о том, что отчуждение прибавочного продукта в это время основывается на верховной собственности на землю. Ведь и в племенном обществе вождь, жрец и другие держатели определенных социальных статусов, в

⁸ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 145.

⁹ См. историографию вопроса и обоснование существования такого периода: Горский А. А. О переходном периоде от доклассового общества к феодализму у восточных славян // С А. 1988. № 2. С. 116–131.

¹⁰ Черепнин Л. В. Спорные вопросы. С. 145.

¹¹ Там же. С. 155, 157–159.

¹² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 241–249.

¹³ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 31–32.

функции которых входило поддержание жизнедеятельности общества, имеют право на некую долю прибавочного продукта, сбор которого осуществляется принудительно и подчас в сходных формах, в том числе в форме полюдья.

Свидетельством того, что частная собственность на землю в X в. и в начале XI в. еще не сложилась, является, на мой взгляд, отсутствие земельных пожалований церкви, которая повсеместно была едва ли не первым получателем земельных дарений. Вероятно, неотчуждаемостью общинных земель (а не только византийскими традициями) можно объяснить, что до середины XI в. церковь существует лишь на десятину¹⁴.

«Окняжение» земель, т. е. присоединение к ядру Древнерусского государства новых территорий и распространение на них верховной власти киевского великого князя, отнюдь не означает одновременного и автоматического перехода к князю верховной собственности на землю, которая еще долгое время может оставаться собственностью племени. Один из начальных этапов этого длительного процесса, кажется, можно усмотреть в рассказе «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 975 г. об убийстве Люта Свенельдича¹⁵.

Не несет в себе элементов ни феодализма, ни рабовладения и отчуждение прибавочного продукта как таковое, даже в относительно развитых и упорядоченных формах полюдья. Оно возникает при первобытнообщинном строе в связи с функциональной дифференциацией (выделение вождей, жрецов и др.) и укрепляется с возникновением социальной дифференциации общества. И потому сам факт его существования не может служить доказательством развития феодальных отношений.

Все это, как кажется, дает однозначный ответ и на вопрос о возникновении общественных классов. До сложения государственной собственности на землю (предполагая вслед за Л. В. Черепниным, что она формируется ранее индивидуальной), реализуемой – на ранних этапах – как коллективная собственность социальных верхов, социальные группы (страты, сословия) различаются по их отношению к продукту производства, но не к средству производства (к земле при феодализме), и в этом их принципиальное отличие от классов. Верховная власть уже при племенном строе обретает преимущественное право на перераспределение прибавочного продукта и его присвоение, отчуждая все большую его часть для собственного потребления. В современной терминологии это стратифицированное, но отнюдь не классовое общество. Лишь по мере становления частной собственности на землю социальная стратификация перерастает в классовую. Как показывают исследования, на Руси это происходит после середины XI в., в Дании – в XII в., в Швеции – в XII–XIII вв.

Не случайно именно середина XI – начало XII в. рассматриваются большинством историков как рубеж, после которого только и можно говорить о сколько-нибудь оформившихся феодальных отношениях на Руси. Предшествующее, с IX в., время Л. В. Черепнин выделяет как период «генезиса феодализма», но первые зародыши феодальных отношений реально прослеживаются им лишь с последних десятилетий X в.¹⁶ Единственным исключением, повторяю, является существование государства, что, собственно, и заставляет проецировать позднейшие явления на IX–X вв.

Но так ли необходимо обязательное отнесение ранних форм государства к определенной социально-экономической формации? Исходя из общепринятого в отечественной историографии определения государства, о котором говорилось выше, безусловно да. Однако в современной международной науке понимание государства и его функций существенно иное. В отличие от В. И. Ленина, К. Маркс выдвигал на первый план не репрессивную функцию государства,

¹⁴ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 76–90.

¹⁵ Котляр Н. Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 147–154.

¹⁶ Черепнин Л. В. Спорные вопросы. С. 165.

вытекающую из его классового характера, а «выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества»¹⁷. Именно эта, организующая функция государства легла в основу его определения в социальной антропологии: государство рассматривается как система, обеспечивающая жизнедеятельность общества как единого политического организма. Отсюда основными признаками государства считаются: наличие отчужденной от народа власти, функции которой выполняются особой системой органов и учреждений; наличие права, закрепляющего систему норм, которые обеспечивают функционирование общества; наличие территории, на которую распространяется государственная власть. Государство, таким образом, понимается в первую очередь как институционально оформленная социально-политическая система, обеспечивающая функционирование общества¹⁸. К этим признакам подчас добавляется наличие постоянно функционирующей системы налогообложения¹⁹, что, впрочем, естественно вытекает из необходимости содержания институтов власти. Разумеется, указанные признаки отмечают уже сложившееся государство. В процессе его формирования они не обязательно развиваются синхронно и могут в различных исторических условиях изменять свое значение.

Изучение путей и предпосылок возникновения государства позволило выявить наиболее важные факторы, стимулировавшие этот процесс. Для «вторичных»²⁰ государственных образований, к которым принадлежат и Древнерусское, и древнескандинавские, возникавшие в условиях контактов с более ранними и уже сложившимися государствами, их выделяется несколько. С одной стороны, это внутренние предпосылки, создаваемые производящим хозяйством и ведущие в первую очередь к стратификации общества; с другой – внешние факторы, среди которых важнейшая роль отводится военной деятельности и торговле²¹. Как правило, признается необходимым сочетание внутренних и внешних условий, дополняющих друг друга. Было показано, что попытки объяснить развитие государственности в том или ином обществе лишь каким-то одним фактором ведут к одностороннему преувеличению его роли и опровергаются сравнительным материалом, а также более глубоким изучением данного общества. Так, выдвигание внутреннего экономического развития как номинирующего условия для возникновения процессов образования государства входит в противоречие с существованием ряда обществ, где возможности увеличения прибавочного продукта не только не привели к становлению развитого стратифицированного общества и государства, но не использовались вообще, и общество ограничивалось простым воспроизводством. Повышенная военная активность – повсеместный спутник процессов образования государства – также не ведет автоматически к его возникновению²². Лишь совокупность различных факторов, как внутренних, так и внешних, создает необходимые условия для формирования государственных структур.

Процесс их становления, изученный этнологами и социологами на материале большого числа древних и современных обществ, охватывает несколько этапов социально-политического развития от эгалитарного (первоначальнообщинного) и ранжированного к стратифицированному и, наконец, классовому общественному устройству, каждому из которых соответствует определенная потестарно-политическая структура²³ от главы рода (общины) до государства.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

¹⁸ Service E.R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N.Y., 1975. P. XII–XIII; см. также: Cohen R. *Introduction // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution* / R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978. P. 1–21.

¹⁹ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // *История первобытного общества*. С. 245–246.

²⁰ Rice B.J. *Secondary State Formation: An Explanatory Model // Origins of the State*. P. 161–186.

²¹ Service E. R. *Classical and Modern Theories of the Origins of Government // Origins of the State*. P. 21–34.

²² Carneiro R.L. *A Theory of the Origin of the State // Science*. 1970. Vol. CLXIX. N 3947. P. 733–738.

²³ Fried M. *The Evolution of Political Society*. N.Y., 1967; *Idem*. *On the Evolution of Social Stratification and the State // Culture in History. Essays in honour of P. Radin*. N.Y., 1960. P. 713–731; Service E.R. *Primitive Social Organization. An Evolutionary*

Основным показателем социального развития общества служит степень функциональной дифференциации, возникающей значительно раньше социальной и имущественной²⁴. Ее формирование определяет становление «ранжированного», по М. Фриду, или «племенного», по Э. Сервису, общества, которое характеризуется тем, что «число статусов повышенной ценности ограничено так, что далеко не все, обладающие способностью занимать данный статус, имеют его»²⁵. Именно в рамках ранжированного общества зарождаются первые потестарные и потестарно-политические структуры.

Они основаны на двух организационных принципах: ранжировании индивидуальных статусов внутри местной общины и на регионально централизованной организации местных общин, ранее, в эгалитарном обществе – доминирующей социальной единицы. Внутриобщинная дифференциация, возникающая еще в эгалитарном обществе, в результате которой выделяется вождь, уступает место соподчиненности территориальных образований различного уровня: местных, областных, региональных, которой соответствует иерархия вождей, местных, областных и т. д., которые каждый на своем уровне выполняют общие социальные, политические, экономические и религиозные функции, обеспечивающие жизнь общества. Права и обязанности вождей одного уровня идентичны, но расширяются в масштабах при переходе на следующий уровень – в отличие от государственной организации, где властные функции правителей различных уровней отличаются не столько количественно, сколько качественно²⁶. Общим для потестарно-политических структур ранжированного общества является то, что они возникают в процессе разложения эгалитарного строя на основе производящего хозяйства (земледелия и/или скотоводства). Они имеют своим назначением перераспределение избыточного продукта, поддержание экономических и социальных структур, сложившихся в обществе, организацию общественного труда (строительство укреплений, погребальных монументов, трудоемкие виды хозяйственной деятельности). Причем первому отводится основополагающая роль: доступ к перераспределению общественного продукта обеспечивает выделение и укрепление института вождей и формирование племенной аристократии, а создание системы перераспределения является основой для будущего формирования аппарата государственного управления. Поэтому формирование потестарно-политических структур находится в тесной связи с системой распределения и перераспределения общественного продукта²⁷. В ранжированном обществе политическое устройство отличается выделением центральной власти, обособленным от массы населения, стоящей над внутриобщинным управлением и сосредоточивающей выполнение перечисленных функций, в первую очередь контроль над распределением избыточного продукта.

Эти еще догосударственные потестарно-политические структуры получили в социальной антропологии наименование *chiefdom* «вождество»²⁸ в соответствии с их политическим устройством, в котором главную роль играет институт вождя. По определению Э. Сервиса, это «промежуточная форма, вырастающая из эгалитарного общества и предшествующая всем известным примитивным государствам». Она отличается централизованным управлением и наследственным иерархическим статусом. Политическая организация повсеместно представляет собой теократию, а форма подчинения власти приобретает вид религиозного подчинения жрецу-вождю²⁹. Такой политический строй, как показали исследования различных обществ, является универсальным, переживаемым всеми народами в период разложения родоплемен-

Perspective. N.Y., 1971; The Evolution of Social Systems / J. Friedman, M. J. Rowlands. L., 1978.

²⁴ Черных Е. Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. С. 250.

²⁵ Fried M. The Evolution. P. 109.

²⁶ Earle T. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom. Ann Arbor, 1978. P. 3.

²⁷ Service E. R. Origins. P. 74–75; Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies. Boston, 1968.

²⁸ Впервые термин был предложен К. Обергом (Oberg K. Indian Tribes of Northern Matto Grosso. Washington, 1953).

²⁹ Service E. R. Origins. P. 15–16.

ного строя, в том числе теми, которые впоследствии не создали государства. Он стадийно предшествует как рабовладельческим, так и феодальным государствам³⁰.

В рамках вожеств получение избыточного продукта достигалось тремя основными путями: увеличением производительности труда (наиболее трудоемкий и малоэффективный в ближайшей перспективе), участием в обмене и торговле, военной деятельностью. Очевидные преимущества последней, позволявшей – в случае удачи – максимально быстро и безболезненно с точки зрения общества-завоевателя наращивать прибавочный продукт, обусловили повсеместное возрастание военной активности при переходе от вожеств к государству³¹. Ведущее место войны дало основание Л. Моргану назвать ряд последовательных этапов, включая ранние государственные образования, эпохой военной демократии – термином, широко принятым в отечественной историографии, но неточным и ограниченным³², что давно уже заставило отказаться от него как зарубежных исследователей, так и отечественных этнологов. Образовавшиеся уже в вожествах потестарные структуры носили по преимуществу военный характер: по функциональным истокам статус вождя предполагал в первую очередь руководство военной деятельностью – при существовании других элитарных статусов, старейшин, жрецов и др. Концентрация власти в руках вождей вела к еще большей «военизации» политических институтов, поскольку общество было ориентировано на военный способ добывания прибавочного продукта.

Формируясь в рамках единого этносоциального организма – племени, вожество имело тенденции к распространению и включению в свой состав других племен на основе конфедерации, завоевания или подчинения в форме обложения данью, что в любом случае сопровождалось значительным увеличением прибавочного продукта. В этих условиях неравенство социальных статусов в доступе к использованию и присвоению избыточного продукта вызывало нарастание социальной и имущественной (в дополнение к функциональной) дифференциации, закрепление которой в иерархии статусов характеризует следующий этап общественного развития – стратифицированное общество³³. Его важнейшими отличиями от предшествующего этапа были сложение дифференцированного контроля над экономикой и соответствующая дифференцированность власти. В стратифицированном обществе происходит усложнение потестарных структур и их иерархизация, расширение и концентрация функций центральной власти. Все эти процессы в конечном результате приводят к формированию государства как социально-политической системы, регулирующей жизнедеятельность общества³⁴. По словам М. Фрида, «раз существует стратификация, то предпосылки государственности уже созданы и действительное формирование государства уже началось»³⁵.

При переходе к государственной организации общества резко возрастает роль центральной власти. Она сохраняет все основные функции предшествующего времени, но упорядочивает и дифференцирует их. Наряду с перераспределением возникает организованный сбор прибавочного продукта (в форме фиксированных даней). Важной функцией государства становится охрана складывающейся территории, на которую распространяется его власть.

Важнейшим явлением социального устройства общества становится выделение и обособление профессионального военного слоя, не связанного не только с общинной, но и с этно-

³⁰ Ibid.; см. также: *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology* / T. Earle. Cambridge, 1991.

³¹ *Carneiro R. L. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion// Origins of the State. P. 205–224; Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности. С. 212–216; Turney-High H. Primitive War. Its Practice and Concepts. Columbia Univ., 1971; The Anthropology of War/J. Haas. Cambridge, 1990.*

³² См.: *Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классового образования // ВИ. 1968. № 12. С. 87–97.*

³³ *Fried M. The Evolution. P. 185–186.*

³⁴ *Хазанов А. М. «Военная демократия».*

³⁵ *Fried M. The Evolution. P. 185; см. также: Idem. The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First? // Origins of the State. P. 49–68.*

политической (племенной) организацией. Расслоение внутри него ведет к образованию военной аристократии, частично сливающейся, частично теснящей родоплеменную знать, которая в силу ее связей с отдельными группировками внутри общества и вытекающих отсюда центробежных тенденций противостоит центральной власти³⁶.

Основной особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что его функции выполняются главным образом военной организацией – дружиной. Она образует органы управления центральной власти, еще примитивные и слабо расчлененные: осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение, частично через контроль над внешней торговлей; управление; выполняет чисто военные функции: подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану территории, на которую распространяется центральная власть, а также организацию походов, носящих как завоевательный, так и грабительский характер. Именно основополагающая роль дружины (или аналогичной ей военной организации) определяет особенности политического строя и потестарных структур, а также весь облик зарождающегося государства. Это дало основание ряду англо-американских социологов назвать такой тип государства «военным» (*military*), но представляется, что более уместным является его определение как «дружинного» государства.

Выраженная социальная стратификация общества, однако, не носит еще классового характера, она основывается по-прежнему на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства. В то же время способ производства включает различные уклады: патриархальный с родовыми и территориальными общинами, рабовладельческий (патриархальное рабство), зародыши феодального. Нерасчлененность различных укладов, представляющая многообразие возможностей дальнейшего развития, определяет отмеченный этнологами универсализм этой, древнейшей, формы государства, которую в разное время переживали все народы, образовавшие позднее как рабовладельческие, так и феодальные государства.

Таким образом, переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе – с государственным политическим устройством – является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы. Вместе с тем конкретные формы, в которых протекал этот переход в различных регионах мира, существенно разнились в первую очередь в зависимости от соотношения основных факторов, стимулировавших развитие общества: природных условий, определявших возможности интенсификации хозяйственной деятельности; воздействия более развитых обществ; перспективности внешней экспансии и вообще военной активности; условий для широкого обмена, а затем и крупномасштабной торговли.

В формировании ранних («варварских») германских государств, наряду с ростом производящего хозяйства, особая роль принадлежала войне. В ходе военных завоеваний в Галлии и Британии разрушались внутриобщинные связи, резко усиливалась имущественная и социальная дифференциация, усложнялись и крепились потестарные структуры, роль которых неуклонно возрастала³⁷. Немалое значение для германского общества имели и его непосредственные контакты с Римской империей: значительная часть территории, на которой в V–VII вв. возникли первые германские государственные образования, или входила в состав Римской империи (Северная Италия), или была романизирована.

Среди других германских народов, прежде всего северных, как принято считать ныне, война не играла столь значительной роли (хотя археологические материалы, например клады оружия, и указывают на высокую военную активность скандинавских племен). Практически

³⁶ Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности. С. 231–235; *Он же*. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982. С. 124–146.

³⁷ Неусыхин А. И. Военные союзы германских племен около начала н. э. // *Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН*. М., 1929. Т. 1. С. 390–412.

отсутствует и влияние средиземноморской цивилизации к северу от римского лимеса³⁸. Однако уже с середины I тысячелетия до н. э. Ютландия вовлекается в постепенно нарастающий по объему обмен с Центральной Европой, который длительное время носит престижный характер: в обмен на янтарь местная знать получает предметы роскоши – изделия из бронзы и, реже, золота, стекло и т. п. Усиление обмена и сложение более или менее устойчивых путей, по которым он осуществлялся, ведут к концентрации знати в узловых пунктах важнейших линий коммуникаций – области Гудме на о. Фюн, Стивнс на о. Зеландия, на юго-западном побережье Ютландии – и образованию в них специфических торгово-ремесленных поселений уже в IV–VI вв.: Луннеборг в Гудме, Данкирке и позднее Рибе в Юго-Западной Ютландии³⁹.

Показательно, что во всех случаях первоначально возникает не изолированное, не связанное с округой поселение с особыми функциями (торговой, ремесленной), являющееся резиденцией знати, а небольшая область, в которой характер деятельности населения отличен от окружающих территорий, в которой отмечается скопление знати (археологически выражающееся в наличии здесь элитных некрополей, кладов и т. п.) и в которой вырастает ряд взаимосвязанных поселений – одно из них впоследствии занимает в области ведущее место и становится протогородом. Находки в этих областях свидетельствуют, что в конце первой половины – середине I тысячелетия н. э. здесь сосредоточивается балтийская и североморская торговля с Центральной и Западной Европой. Они являются конечными пунктами и важнейшими местами перераспределения ценностей крупных торговых путей. И именно с исключительно интенсивной торговой деятельностью исследователи связывают быстрое становление древнедатского государства: предполагают, что уже в середине I тысячелетия н. э. на территории будущей Дании существует ряд мелких предгосударственных объединений⁴⁰.

Позднее, в VI в., в Восточной Балтике (на восточном побережье Швеции) образуется второй центр балтийской торговли, являвшийся новым завершением центрально- и западноевропейских магистралей, ранее оканчивавшихся на датских островах. Сложение этого отрезка пути знаменуется появлением поселения в Экеторпе на о. Эланд в V–VII вв., а затем становлением и расцветом торгово-ремесленных центров на оз. Меларен – Хельгё и Бирки⁴¹. Одновременно здесь начинаются и более активные процессы социально-политического развития.

Уже в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.) в Средней Швеции, Свеаланде, отмечается глубокая стратификация общества: выделение не только наследственного нобилитета, но и военного («дружинного») слоя, а также формирование территориально-политических образований⁴². Узловой регион в сети дальней торговли, Свеаланд, где практически отсутствуют следы средиземноморских влияний⁴³, а военная активность имеет ограниченный характер, претерпевает ускорение в своем социально-политическом развитии, приводящее к возникновению предгосударственных образований⁴⁴.

Важно отметить, что возможности производящего хозяйства в Свеаланде, более высокие, нежели в других областях Швеции (Сконе в это время входит в сферу датского влияния), были тем не менее недостаточно велики, чтобы обеспечить интенсивное развитие региона⁴⁵.

³⁸ Hedeager L. A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the Limes (0–400 A.D.) and the Question of Roman-Germanic Exchange // *Studies in Scandinavian Prehistory and Early History*. Aarhus, 1978. Vol. I. P. 191–216.

³⁹ Hedeager L. Fra stamme til stat – samfundsorganisation og forandring i Danmarks jernalder. Kdbenhavn, 1988; Gudmeproblemer / H. Thrane. Odense, 1987.

⁴⁰ Fra stamme til stat. H0vdingesamfund og kongemagt. H0jbjerg, 1991. B. 2; Jensen J. The Prehistory of Denmark. L., 1982; Hedeager L. Danernes Land: fra ca. ar 200 f. Kr. – ca. 700 e. Kr. Copenhagen, 1988.

⁴¹ Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985.

⁴² Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framvaxt. Uppsala, 1988.

⁴³ Lund Hansen V. Romischer Import im Norden. Kpbenhavn, 1987.

⁴⁴ Arwidsson G. Viking Society in Central Sweden. Traditions, Organization and Economy // *The Vikings. Proceedings of the Symposium*. Uppsala, 1978. P. 25–34.

⁴⁵ Ibid.

Сельскохозяйственное производство предоставляло средства лишь для поддержания жизни местного населения. Однако природные ресурсы давали Свеаланду возможность участвовать в международной торговле. Главным предметом, позволившим местной знати включиться в систему балтийского и европейского обмена и торговли и, более того, притянуть к региону сеть коммуникаций, было железо. Большие запасы и высокое качество руды на севере Упланда делали Свеаланд основным поставщиком этого важнейшего сырья по меньшей мере для балтийского региона. «Железный путь» связывал север Свеаланда с оз. Меларен и служил основой для внутренней системы коммуникаций, консолидируя округу⁴⁶.

Третьим регионом севера Европы, где процессы образования государства происходили во второй половине I тысячелетия н. э., был Северо-Запад Восточной Европы, примыкавший к Восточной Балтике. Согласно существующей историографической традиции, основанной по преимуществу на летописном описании ситуации в Северо-Западной Руси в середине – второй половине IX в. в так называемой легенде (а точнее – сказании) о призвании варягов, здесь в середине IX в. имеется межплеменное объединение, включающее словен, кривичей, чудь, мерю и, возможно, весь. Это объединение получило условное наименование «северной конфедерации племен» или «северного союза племен»⁴⁷. В. Т. Пашуто и И. П. Шаскольский характеризовали его как территориально-политическое предгосударственное образование («союз племен» или «союз племенных княжений»), возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен; оно возникло в борьбе с «северной опасностью» – набегами скандинавских викингов.

Крайне скудные и в значительной степени спорные сведения, содержащиеся в ранних редакциях сказания, не дают возможности подробно охарактеризовать социальный строй, политическое устройство, экономические предпосылки возникновения этого образования, и оно и поныне остается в значительной степени загадочным. Особенно темны причины и пути его зарождения.

Хотя в отечественной исторической науке первостепенное (если не единственно важное) место в процессах образования государства отводилось внутреннему развитию общества – интенсивному производящему хозяйству, в данном случае ни один из исследователей «северной конфедерации» не пытался обосновать возникновение здесь очага государственности успехами экономического развития региона. И это вполне понятно. Местное финское население не знало ни скотоводства, ни земледелия, и производящее хозяйство было принесено сюда лишь в ходе славянской колонизации, незадолго до отмечаемого летописями существования «конфедерации». Природные особенности региона, климат, сильная лесистость, незначительное количество плодородных почв⁴⁸ отнюдь не способствовали интенсивному росту земледелия. И в более позднее время, в XII–XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока. Приток новопоселенцев, очевидно, указывает на то, что хозяйственные возможности региона были достаточны для поддержания их жизни, но быстрое социальное развитие общества требовало совершенно иного объема прибавочного продукта, причем получаемого регулярно и длительное время. Недостаток природных возможностей для значительного увеличения производства продуктов потребления обусловил низкую плотность населения не только в период славянской колонизации региона, но и много позднее⁴⁹. Лишь на некоторых участках концентрация населения была существенно выше средней, но причины

⁴⁶ Iron and Man in Prehistoric Sweden / H. Clarke. Stockholm, 1979.

⁴⁷ Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103–114; Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

⁴⁸ Концевий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. 1989. Вып. 3. С. 3–19; Кирьянов А. В. История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. М., 1959. № 65. С. 306–362.

⁴⁹ Жекулин В. С. Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. Всесоюз. географии, о-ва. 1972. № 1. С. 21–29.

этого явления, видимо, лежали не только и не столько в более благоприятных для земледелия условиях, хотя и они, бесспорно, играли определенную роль.

В свете новейших археологических материалов трудно согласиться и с тем, что основной причиной формирования «северной конфедерации» могла быть угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих вглубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить. Археологические данные скорее рисуют картину мирного сосуществования всех трех этнических групп⁵⁰.

Тем не менее, невзирая на скудность природных ресурсов, северо-западный регион действительно переживает быстрое развитие начиная с середины – конца VIII в. Важнейшей его приметой является возникновение с середины VIII в. ряда предгородских поселений торгово-ремесленного характера, причем таких крупных, как Старая Ладога. Более того, согласно общему мнению, здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию, населенную рядом этнически разнородных племен. Единственным крупномасштабным явлением в регионе, синхронным этим процессам, является формирование торгового пути, соединившего Балтику со странами Поволжья, Булгарией и Хазарией и Арабским халифатом через Неву, Ладогу и Волгу.

Роль Балтийско-Волжского пути как трансъевропейской магистрали и его значение для экономического развития Восточной Европы и Скандинавии, прежде всего в связи с распространением арабского серебра, отмечались и исследовались неоднократно⁵¹. В теории В.О. Ключевского торговля в целом (в том числе и по Волжскому пути) рассматривалась как основополагающий фактор в развитии городов и «городовых областей» и тем самым как существенная предпосылка зарождения государственности на Руси⁵². Однако советская историография отказалась от теории Ключевского, хотя констатация значения торговли для экономического развития общества является общим местом. Но конкретные механизмы этого влияния – особенно в период становления государственности – остаются малоизученными. Более того, традиционное и справедливое для более позднего времени отнесение торговли лишь к сфере экономики не позволяет выяснить в полном объеме ее место в жизни племенного и постплеменного общества, в том числе в социально-политических процессах на Северо-Западе Восточной Европы. Между тем очевидно, что проблема заслуживает значительно большего внимания как в конкретно-историческом, так и в более общем теоретическом плане.

Исследования К. Поляного и других представителей экономической антропологии существенно изменили и расширили представления о месте торговли в экономическом и социальном развитии ранних обществ и особенно обществ, переживающих переход от первобытнообщинного строя к государственному⁵³. Среди выводов, наиболее важных для рассматриваемых регионов, надо отметить следующие. Во-первых, имеются принципиальные различия в воздействии на общество разных форм обмена и торговли: внутренних, совершаемых в пределах замкнутой социальной системы, и внешних, между различными общественными коллективами (родами, племенами и племенными объединениями, ранними государствами). Наиболее интенсивное и разноплановое воздействие на развитие общества оказывают внешние обмен и торговля. При этом степень их влияния увеличивается при вовлечении большего числа

⁵⁰ Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence / *IJBS*. 1982. Vol. XIII, N 3. P. 267–295.

⁵¹ Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983; Виллибахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 126–135; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Леонтьев А. Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 3–9.

⁵² Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 143–150.

⁵³ Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies / G. Dalton. Boston, 1968; Trade and Market in the Early Empires / K. Polanyi. Glencoe, 1957; Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // С А. 1957. Вып. XX VII. С. 14–28.

обществ, особенно стоящих на разных ступенях развития. Во-вторых, в отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают лишь небольшую часть общества – формирующуюся знать – и практически не затрагивают более широкие слои населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулируют их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяют концентрировать богатства в руках тех его представителей, которые осуществляют контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества.

Однако далеко не во всех регионах мира и не во всех обществах торговля может рассматриваться как один из важных факторов социального и политического развития. Хотя обмен и торговля являются одним из повсеместно распространенных видов деятельности, лишь в отдельных регионах создавались условия для становления крупномасштабной дальней торговли, вовлекающей в сферу ее действия ряд обществ. Выше уже указывалось на первостепенную роль войны в становлении ранних германских государств Западной Европы и Англии, хотя все германские племена этого региона в той или иной степени были вовлечены в торговлю с Римской империей и между собой. Но эта форма деятельности не имела кардинального значения для их развития: крупные торговые магистрали (по Рейну, Роне и др.) складываются (или, существуя с римского времени, восстанавливаются) уже после формирования ранних германских государств. Принципиально иную роль обмен и торговля играли в становлении датского общества, включившегося в систему торговых связей Центральной Европы с бронзового века. Таким образом, этот вид деятельности мог служить предпосылкой для ускорения социально-политического развития лишь там, где в силу природных условий или иных причин устанавливались протяженные линии торговых коммуникаций и где, соответственно, в сфере торговли участвовал ряд политически невзаимосвязанных обществ.

Значение протяженных торговых путей далеко выходило за область торговли. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, сухопутную или водную, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т. д.⁵⁴. Путь обрастал сложной системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени взаимодействующей с торговым путем, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в самой торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекая округу в сферу своего функционирования, т. е. играл консолидирующую роль. Путь дальней торговли, таким образом, представлял собой более или менее широкую зону, тяготеющую к нему.

В этой зоне протекание ряда экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и самого нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой – вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых ею поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах круп-

⁵⁴ Polanyi K. Ports of Trade in Early Societies // JEH. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; *Idem*. Trade, Market and Money in the European Early Middle Ages // NAR. 1978. Vol. II. P. 92–117.

ных торговых путей создавались благодаря этому предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связи с торговой магистралью.

Балтийско-Волжский путь возник не как самостоятельная магистраль, но как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. Пути из Центральной Европы и с побережья Северного моря сходились в Южной Ютландии и на датских островах, откуда начинался балтийский участок пути, достигший к VI–VII вв. Свеаланда. Существовавшие в предшествующую эпоху эпизодические контакты между

Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья⁵⁵ создавали естественную почву для дальнейшего продвижения торгового пути в этом направлении. Становление Старой Ладogi исследователи справедливо связывают с ростом балтийской торговли, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные связи с Южной Ютландией, а через нее и с Фризией⁵⁶. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладogi – единственного предгородского центра на Северо-Западе Восточной Европы VIII – первой половины IX в. – говорит о том, что в это время Ладога была не просто одним из центров балтийской торговли, но узловым пунктом, завершавшим начинавшийся в Южной Ютландии балтийский отрезок крупнейшей торговой магистрали.

На протяжении IX в. освоение восточноевропейского отрезка пути с выходом на Волгу фиксируется возникновением торгово-ремесленных поселений и военных стоянок, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент⁵⁷. Практически все известные ныне поселения Северо-Запада IX в. располагаются на реках и озерах, образующих магистраль, или на ее ответвлениях; таковы Ладога, «Рюриково» Городище, Крутик у Белоозера, Сарское городище, позднее – древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское, Тимерево и др.

Чрезвычайно разветвленная речная сеть, допускавшая множество маршрутов на отдельных участках пути, способствовала формированию вокруг него особенно обширной зоны, захватывавшей земли вдоль Меты и Молоти, Свири и Паши с выходами непосредственно на Верхнюю Волгу или на Белое озеро. Также разнообразны были и пути к западу от Ильменя: по Шел они, Великой, Чудскому озеру и др. Топография отдельных находок скандинавских древностей и изолированных комплексов на Северо-Западе согласуется с общим очертанием этой зоны.

Ее важной особенностью было то, что она включала территории ряда племен разной этнической принадлежности: финских (чуди, мери, веси) и славянских (кривичи, словене). Древнейшие торгово-ремесленные поселения вдоль этого пути располагаются на земле каждого из племен: Старая Ладога – в земле чуди, Псков – кривичей, «Рюриково» Городище – словен, Крутик – веси, Сарское городище – мери – и несут неоспоримые следы присутствия местного, финского или славянского, наряду со скандинавским, населения. Отмечая соотносимость поселений с племенными территориями, исследователи в то же время не склонны считать их племенными центрами: на них отсутствуют признаки, характерные для последних, в частности, культовые комплексы, связанные с сакральными функциями племенных центров⁵⁸.

⁵⁵ Ambrosiani B. Das Malargebiet und Baltikum während der Spätbronzezeit und der älteren Eisenzeit // Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum. Stockholm, 1985. S. 61–66.

⁵⁶ Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 24–25 ;Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 59–60.

⁵⁷ Седов В. В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Сканд. конф. М., 1993. Ч. 1. С. 104–106.

⁵⁸ Там же. С. 104, 105.

Эти особенности ранних поселений на Балтийско-Волжском пути – их расположение, указывающее на связь как с самим путем, так и с племенными территориями; полиэтничность; специфический характер, – как представляется, отражают отмеченные выше процессы, связанные с функционированием Балтийско-Волжского пути. Они возникают как стоянки для купцов и места торговли и обмена, которые притягивали к себе местную знать, заставляя ее сосредотачиваться в этих пунктах. Тем более что природные условия региона – наличие пушного зверя и ценных продуктов лесных промыслов, меда и воска – предоставляли племенному нобилитету реальную возможность участвовать в торговле.

Даже достаточно скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Реконструируемые социально-политические процессы происходили в до-письменную эпоху, для которой основным источником являются археологические данные, в целом малоинформативные в этом аспекте. Однако предположение о кардинальной роли для общественного развития племен, населявших зону крупномасштабной дальней торговли на восточноевропейском отрезке, как представляется, находит подтверждение в двух группах письменных источников. Во-первых, в скудных сообщениях древнерусских летописей, касающихся событий второй половины IX в. (в основном в сказании о призвании варягов). Во-вторых, в более подробных известиях в восходящих к источникам IX в. рассказах арабских писателей X в., в первую очередь в повествовании об «острове» (стране) русов у Ибн Русте (первая половина X в.) и дополненном по другим источникам переложении того же рассказа в «Худуд ал-Алам» (ок. 982 г.). Большинство исследователей традиционно считают, что «остров» (страну) русов следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень⁵⁹.

Как Ибн Русте и автор «Худуд ал-Алам», так и другие арабские авторы X в., повествующие о русах (в сообщении о трех видах русов – ал-Истахри и Ибн Хаукаль; о купцах-русах – ал-Факих и др.), обращают основное внимание на торговую деятельность населения этого региона.

Разумеется, именно она представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные общей повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями. «И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям», – пишет Ибн Русте⁶⁰. Основными предметами торговли называются пушнина и рабы.

Торговую деятельность русов арабские авторы ставят в прямую связь с эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов (Ибн Русте и др.): «Они (русы) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают»⁶¹. Это насильственное изъятие продуктов потребления: «Всегда 100–200 из них русов ходят к славянам и насильно

⁵⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и русах // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 402–403.

⁶⁰ Там же. С. 397.

⁶¹ Там же. То же у Гардизи (Там же. С. 399).

берут с них на свое содержание» (Гардизи, ок. 920 г.)⁶². Наконец, это более упорядоченный сбор даней в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории, что прямо сопоставляется с полюдьем⁶³. Отголоски сбора даней в северо-западном регионе присутствуют также в сказании о призвании варягов. Взимание даней с местного населения приписывается в нем скандинавам-варягам. Однако изображение даннических отношений, вероятно, является попыткой осмыслить связи между «находниками»-варягами и местным населением как отношения господства-подчинения и описать их в категориях, близких летописцу: внешней формой проявления зависимости была выплата дани, о чем неоднократно писал составитель ПВЛ. В действительности же, сколько-нибудь регулярный сбор дани варягами представляется совершенно невозможным: он требовал бы существования достаточно разветвленного аппарата управления. И в более освоенных скандинавами районах Восточной Балтики «дани» представляли собой нерегулярные откупы от грабежей, а не постоянную подать. Несравненно более вероятно, что сбор дани осуществлялся местной племенной знатью внутри каждого из племен, часть же этой дани поступала в торговлю по Балтийско-Волжскому пути, осуществляемому в значительной степени скандинавами.

Наряду с общей констатацией значения торговли для Северо-Запада Восточной Европы, арабские авторы уделяют значительное внимание ее организации, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей⁶⁴. Более того, Ибн Русте и автор «Худуд ал-Алам» отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью: это и выплата правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли (ср., однако, рассказы Ибн Хордадбега о десятине, выплачиваемой купцами русов царю Рума – Византии и правителю хазар), и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества⁶⁵. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова» русов и отражают действительное положение дел, то это – важное свидетельство развитых торговых отношений, в которых активное участие принимает центральная власть и которые уже оформлены правовыми нормами. Однако косвенным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в сказании о призвании условия ряда⁶⁶ указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывающей различные сферы жизни.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает предгосударственное образование.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33)

⁶² Там же. С. 405.

⁶³ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 22–26.

⁶⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 387, 397.

⁶⁵ Там же. С. 399.

⁶⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект)

Е. А. Мельникова

Возникновение Древнерусского государства подавляющее большинство современных историков связывает с объединением двух ранне- (или пред-) государственных образований: северного с центром в Ладоге и южного с центром в Киеве, скандинавским вождем Олегом (< *Helgi*), родичем или «воеводой» Рюрика, захватившим Киев в 882 г.⁶⁷, что положило начало «собираанию» восточнославянских земель вокруг Киева⁶⁸. Этому событию предшествовало более или менее длительное существование нескольких предгосударственных объединений восточных славян, называемых «союзами племен», «племенными княжениями»⁶⁹, «славиниями» – термин Константина Багрянородного⁷⁰, среди которых выделяются Ладожско-Ильменский, Среднеднепровский, возможно, Поволжско-Ростовский, Полоцкий регионы. В каждом из них на важнейших водных путях появляются «погосты» – торгово-ремесленные центры с административными функциями⁷¹, на которых отмечается концентрация скандинавских древностей⁷² и смешение северных и местных культурных традиций. Не случайно поэтому в исторической науке господствует представление о значительной роли скандинавов в процессах образования Древнерусского государства, хотя степень и формы их участия – предмет серьезных обсуждений. Представляется, что рассмотрение этой проблемы в общеевропейском контексте – в связи с возникновением скандинавских «государств» в Англии и Франции – может пролить дополнительный свет на процессы интеграции скандинавов в восточнославянское общество.

Коротко остановлюсь сначала на предыстории и исходных условиях, в которых начались викингские походы на Западе и на Востоке.

Первые вторжения скандинавских народов как в Британию, так и в Восточную Европу (Прибалтику) начинаются в V в., хотя спорадические контакты существовали в обоих регионах и ранее. В первой половине V в. англ и юты – племена, населявшие юг Ютландского п-ова, вместе с континентальными саксами переселяются на Британские острова⁷³. В это же время появляются первые колонии скандинавов на территории современных Калининградской обл. РФ (Вишнево), Латвии (Гробине), Эстонии (Прооза в черте Таллинна)⁷⁴. Нападения викингов на восточное побережье Англии с конца VIII в.⁷⁵, равно как и набеги на северное побережье Франкской империи⁷⁶, явились новой волной скандинавской экспансии, никоим

⁶⁷ Эти даты, как и вся хронология «Повести временных лет», для IX–X вв. условны.

⁶⁸ Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; Новосельцев А. П. Древняя Русь // История России. М., 1998. Т. 1. С. 56–94.

⁶⁹ Пащенко В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1968. С. 11–127; Пащенко В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103–114; Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

⁷⁰ См.: Горский А. А. Русь. С. 20–35.

⁷¹ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

⁷² Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

⁷³ Higham N. J. Rome, Britain, and the Anglo-Saxons. L., 1992; Sawyer P. H. From Roman Britain to Norman England. L., 1978.

⁷⁴ Седов В. В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 15, 17, 402, 408–409.

⁷⁵ Общий обзор см.: Loyn J. R. The Vikings in Britain. N. Y., 1977.

⁷⁶ Общий обзор см.: Wallace-Hadrill J. M. The Vikings in Francia. Reading, 1975; Renaud J. Les Vikings en France. Rennes, 2000.

образом не связанной с событиями V в. Продвижение же скандинавов на восток, начавшись в V в., не останавливалось, постепенно расширяясь в масштабах и охватывая новые территории. Скандинавы стали проникать вглубь Восточной Европы существенно раньше эпохи викингов и еще до начала славянской колонизации Северо-Запада. Следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв. обнаружены на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риеккала у северного побережья Ладожского озера⁷⁷, одновременные поселения открыты на о. Сааремаа⁷⁸. Стоянки, как полагают, принадлежали охотникам на пушного зверя или скупщикам пушнины, которая, как представляется, была главным стимулом для продвижения скандинавов на восток в это время. Таким образом, предыстория начавшихся в конце VIII в. викингских походов в Западной и Восточной Европе была различна.

Различны были и географические условия в том и другом регионах. Побережье Англии было открыто для неожиданных, молниеносных нападений с моря, и богатые поселения и монастыри представляли легкую и практически безопасную добычу для викингов. Берега Восточной Балтики также могли быть и, безусловно, бывали объектом нападений, однако скандинавские поселения, пусть и расположенные на некотором отдалении от моря, препятствовали широкомасштабным грабёжам. В глубине же территории отрядам викингов приходилось преодолевать речные мели и пороги, что исключало внезапность нападения. Поэтому сами географические условия диктовали различные стратегии в каждом из регионов.

Последним, но едва ли не самым главным различием, влиявшим на деятельность викингов в Западной и Восточной Европе, было развитие местного общества. Раздел Франкской империи Карла Великого по Верденскому миру 843 г. существенно ослабил военную мощь выделившегося Западнофранкского королевства, политическое единство которого вскоре также оказалось под угрозой из-за борьбы за главенство сыновей Карла Лысого и их потомков. Тем не менее Западная Франция представляла собой сложившееся государство с развитой вассальной системой, прочной церковной организацией, высокой культурой, хотя эпоха Каролингского Возрождения уже завершалась. На рубеже VIII–IX вв. в Британии существовало несколько королевств: Уэссекс, Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия, которые ожесточенно боролись между собой, пытаясь подчинить себе другие королевства. Это были ранне-средневековые государства с четко определившейся социальной иерархией, поддерживаемой законодательством, с эффективным аппаратом управления различных уровней. Христианство уже давно стало официальной религией, а церковная организация имела более или менее устойчивую структуру. Англо-саксонская культура, соединившая латинскую ученость с германскими традициями, процветала, равно как и литература на древнеанглийском языке.

Принципиально иными были общества, с которыми столкнулись викинги в Восточной Европе. Земли Северо-Запада Восточной Европы населяли финские племена с примитивным производящим хозяйством, крайне слабой социальной дифференциацией и немногочисленными постоянными поселениями. Уровень социальной дифференциации продвинувшихся в этот регион словен – земледельцев и скотоводов – также был еще довольно низким: погребальные памятники не обнаруживают сколько-нибудь отчетливых следов выделения и обособления знати.

Таковы предпосылки, определившие формы деятельности викингов в каждом из регионов, равно как и результаты их взаимодействия с местными обществами.

Первый этап скандинавской экспансии на Запад до 870-х гг.⁷⁹ характеризовался грабительскими набегами, усиливавшимися по частоте, территориальному размаху, количе-

⁷⁷ Kivikoski E. Svenskar i osterled under 500-talet // Finskt Museum. Helsingfors, 1939. S. 15.

⁷⁸ Седов В. В. Финно-угры и балты. С. 15–16.

⁷⁹ Я следую здесь принятой периодизации эпохи викингов, предложенной Т. Кендриком (Kendrick T.D. A History of 26

ству участников. Каролингская империя впервые испытала разбойничьи набеги данов уже в 770-780-х гг. Первые столкновения англо-саксов с викингами засвидетельствованы в 787 (под 789) и 793 гг. Последнее – разгром монастыря Св. Кутберта на о. Линдисфарн у побережья Нортумбрии – долгое время служило датой начала эпохи викингов. Отдельные, не связанные между собой нападения быстро переросли в крупные, хорошо организованные экспедиции, действовавшие как на континенте, так и на Британских островах, а также в Ирландии. Главной целью викингов – данов или норвежцев – была военная добыча, и на протяжении первой половины IX в. они опустошили большинство городов, расположенных на берегах Северного моря и Ла-Манша. Некоторые из отрядов начали оставаться на зимовки на островах, чаще всего в устьях крупных рек (первая такая зимовка засвидетельствована на о. Танет в 850 г.). Период изолированных набегов закончился в Англии в 865 г., когда на восточном побережье высадилось «большое войско язычников» и после нескольких лет грабежей в Восточной Англии, Нортумбрии и Мерсии начало оседать на завоеванных землях, открыв новый этап в истории эпохи викингов – этап завоеваний новых земель и их колонизации.

В Восточной Европе ранний этап проникновения скандинавов вглубь территории связан не с пиратскими нападениями, но с освоением Балтийско-Волжского пути. О присутствии скандинавов на Северо-Западе Восточной Европы свидетельствует основание Ладоги (*Aldeigjuborg* исландских саг) уже в 730-е гг. В Ладоге и ладожской округе найдены клады восточных дирхемов, датируемые 780-ми гг. На монетах Петергофского клада (начало IX в.) процарапаны скандинавские руны – слова и отдельные знаки⁸⁰, что указывает на активное участие скандинавов в поступлении арабского серебра на европейский север и распространение их деятельности в это время не только на ладожский регион, но и на значительно более обширные территории, вероятно, вплоть до Волжской Булгарии.

На протяжении VIII – первой половины IX в. скандинавы осваивают трансконтинентальный Балтийско-Волжский путь. Он возникает как продолжение системы балтийских коммуникаций на восток⁸¹ и проходит по Финскому заливу через Неву и Ладожское озеро, разветвляясь далее на юг (по Волхову, Ильменю, Мете) и восток (по Сяси, Ояти и др.) и достигая верховьев Волги. Благодаря чрезвычайно разветвленной речной системе, допускавшей множество маршрутов на Волгу, Балтийско-Волжский путь на его северо-западном отрезке охватывал огромную территорию, населенную различными финскими племенами и продвинувшимися сюда славянами. Главной вехой формирования пути было основание вдоль него торгово-ремесленных поселений – таких, как Ладога в нескольких километрах вверх по Волхову, Городище под Новгородом (Рюриково), которое возникло в середине IX в. как военный опорный пункт и контролировало вторую по значению развилку путей от оз. Ильмень. Последующие этапы освоения пути связаны с основанием Сарского городища и Тимерёвского поселения. Наиболее отдаленный от Балтики регион – вятский (у поворота Волги на юг) – отмечен концентрацией кладов арабского серебра IX в.

Образование трансконтинентального торгового пути имело, по меньшей мере, два серьезных последствия для местных племенных обществ. С одной стороны, путь, точнее, богатства, проходившие по нему, вовлекали племенную верхушку в торговлю и в ее обеспечение. Некрополи у торгово-ремесленных поселений свидетельствуют о концентрации здесь знати местных племен. Существует лишь один собственно «скандинавский» могильник в Восточной

the Vikings. Methuen, 1930.). Ей близко соответствует периодизация, основанная на археологических материалах (*Graham-Campbell J. Viking Artifacts. L., 1980*).

⁸⁰ Мельникова Е. А. СРН ННИ. С. 115–119.

⁸¹ Мельникова Е. А. Западная Балтика в формировании системы коммуникаций Балтийского региона к эпохе викингов // Великий Волжский путь. Казань, 2004. Ч. II. С. 18–29; Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

Европе – в урочище Плакун напротив Ладоги. Все остальные обнаруживают смешение северных и местных погребальных традиций.

С другой стороны, доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен (или части племен), которые жили в зоне торгового пути: он интенсифицировал имущественное расслоение общества, выделение и обособление знати, наконец, обеспечивал близость ее интересов к интересам скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов. Более того, именно местная знать имела наиболее естественный и легкий доступ к этим ресурсам.

Обеспечение безопасности плаваний по рекам, особенно в местах, сложных для навигации (пороги, отмели и т. п.), или волоков и торговой деятельности, равно как создание инфраструктуры пути, в первую очередь стоянок для ремонта судов, пополнения припасов и, по возможности, получения новых товаров, являлось первоочередной задачей, без решения которой нормальное функционирование пути было бы невозможно. Уже на начальном этапе освоения Балтийско-Волжского пути основание поселений в узловых пунктах северо-западного, ближайшего к Балтике, отрезка – в Ладоге и на «Рюриковом» Городище — позволяло скандинавам установить контроль над движением по важнейшей магистрали, ведущей на Волгу, – Волхову с его многочисленными порогами. К 860-м гг. были установлены и более или менее устойчивые связи с местными элитами этого региона: отголоском этих связей является сообщение «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) о дани, которую взимали с местных племен «варяги-находники»⁸². Как участие в торговле и ее обеспечении, так и даннические (?) отношения со скандинавами консолидировали местную знать. Тем самым к 860-м гг. в Поволховье и Приильменьи формируется особый регион вдоль Балтийско-Волжского пути, экономически ориентированный на дальнюю торговлю.

Второй этап экспансии викингов характеризуется массовой миграцией скандинавов и колонизацией новых земель (в том числе островов Атлантического океана). Сначала в Англии после 865 г., а через несколько десятилетий и во Франции скандинавские грабители начинают селиться по преимуществу среди местного населения, поскольку возможности внутренней колонизации были, в основном, исчерпаны⁸³. На протяжении последующего полустолетия беспощадные морские разбойники постепенно превращаются в мирных земледельцев. В Восточной Европе, напротив, следов массовой земледельческой колонизации скандинавов практически нет. Немногочисленные, рассеянные на больших расстояниях отдельные находки скандинавских предметов, как правило, неподалеку от водных путей, могут быть и результатом торговли, и временного, случайного и недолгого пребывания какого-нибудь торговца «в глубинке». Могли быть, разумеется, и отдельные скандинавы, решившие поселиться на новом месте: одним из этих немногих был, вероятно, Азгут, живший в третьей четверти XI в. неподалеку от оз. Селигер⁸⁴. По самому характеру своей деятельности скандинавы в Восточной Европе тяготели к торгово-ремесленным центрам, а позднее – к городам. Именно в них, в IX в. – в первых, а в X в. – во вторых, концентрируются скандинавские древности.

Но сколь бы ни были различны модели расселения скандинавов, и на Западе, и на Востоке вставал вопрос о формах взаимодействия пришельцев с местным населением и их регламентации. Путь решения этого вопроса оказался общим для обоих регионов – это был путь установления договорных отношений между предводителями вингских отрядов и местными пра-

⁸² ПВЛ-1996. С. 12.

⁸³ Cultures in Contact. Scandinavian Settlement in England in the 9th and 10th Centuries/ L.M. Hardley & J.D. Richards. Turnout, 2000.

⁸⁴ Берестяная грамота № 526 (НГБ. VII. С. 124–127; Мельникова Е.А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15).

вителями. Попытки «цивилизовать» северных варваров с помощью специальных соглашений восходят ко временам Карла Великого. Он был первым известным нам европейским правителем, попытавшимся на рубеже VIII и IX вв. заключить мирный договор с Готфредом, конунгом Хедебу на юге Ютландского п-ова, дабы обеспечить безопасность союзных ему славянских племен. Такой мир был заключен уже с преемником Готфреда в 811 г.⁸⁵, но желаемых Карлом результатов он не принес. Ни этот, ни последующие договоры, ни наделение датских ноби-лей ленами не помешали бурному нарастанию викингских набегов, которые достигли своего пика на континенте в середине IX в., когда даны разорили Гамбург (845 г.), Дорестада (864 г.), несколько раз осаждали Париж (845, 856–857 гг. и др.).

Лишь ближе к концу IX в. заключение соглашений с расселяющимися викингами становится более или менее эффективной мерой мирного урегулирования отношений с ними. Известны четыре таких договора. Древнейший из них, если принимать условную дату ПВЛ, послужил ядром сказания о призвании варяжских князей, возникшего, вероятно, вскоре после самих событий и включенного в текст летописи (Начальный свод) не позднее 1090-х гг.⁸⁶. Два договора уэссекского короля Альфреда Великого с предводителем датского войска в Англии Гутрумом были заключены: первый – в Ведморе в 878 г., непосредственно после разгрома датчан при Эдингтоне, второй – между 878 и 890 гг. Первый упоминается Ассером в «Жизнеописании Альфреда Великого», текст второго сохранился полностью на древнеанглийском и латинском языках⁸⁷. Четвертый договор был заключен Карлом Простоватым в 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт с Роллоном (Хрольвом), вождем отряда викингов, обосновавшихся в нижнем течении Сены; договор упомянут в грамоте Карла от 14 марта 918 г., жалующей Роллону земли в долине Сены «за защиту государства» (*pro tutela regni*)⁸⁸, а также рядом норманнских хронистов, в первую очередь Дудоном Сен-Кантенским⁸⁹. Хотя эти договоры были заключены при разных обстоятельствах, они содержат сходные условия.

Во-первых, все они легитимизируют уже произошедшее расселение викингов на определенной, как правило оговоренной в договоре, территории. Летописец перечисляет города (в ту пору еще не существовавшие, но знаменующие для него соответствующие племенные территории), где Рюрик посадил своих мужей. Второй договор Альфреда с Гутрумом в первом же пункте четко определяет границы расселения данов: «Первое – относительно наших границ: вверх по Темзе и затем вверх по Ли и вдоль Ли к ее истокам...»⁹⁰. По Сен-Клерскому договору Роллон получил в лен Руан и его окрестности, но последующие грамоты и договоры (924 г. и др.) существенно расширили земельные владения его потомков, включив в них Котантен и Авранш. В результате этих договоров возникли новые территориальнополитические образования: на Руси – раннегосударственное объединение племен в западной части Балтийско-Волжского пути (в Ладожско-Ильменском регионе) с центром в Ладоге, в Англии – Область датского права (Де-нло)⁹¹, во Франции – герцогство Нормандия⁹².

⁸⁵ Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata*. Памяти О. И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

⁸⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // *ДГ*. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

⁸⁷ Asser. *Vita Ælfrediregis Angul Saxonum*. Cap. 56 (Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources / S. Keynes, M. Lapidge. L., 1983). Древнеанглийский текст договора Альфреда и Гутрума см.: *Liebermann F. Die Gesetze der Angel-Saxen*. Halle a. Saale, 1898. Bd. I. S. 128–135. См. о договорах: *Kershaw P. The Alfred-Guthrum Treaty* // *Cultures in Contact*.

⁸⁸ *Recueil des actes de Charles III le Simple, Roi de France* / Ph. Lauer. 1940. T. I. P. 211.

⁸⁹ *Dudon de Saint-Quentin. Historia Normannorum* / J. Lair. Caen, 1865.

⁹⁰ *Davis R. H. C. Alfred and Guthrum's Frontier* // *EHR*. 1982. Vol. 97. No. 385. P. 803–810.

⁹¹ *Hart C. The Danelaw*. L., 1992.

⁹² *Bates D. Normandy before 1066*. L., 1982; *Musset L. Naissance de la Normandie*. Toulouse,

Во-вторых, во всех договорах, хотя и в разной форме, проявляется стремление местной власти инкорпорировать скандинавов в свое общество. Главным условием соглашения в Ведморе, как рассказывает Ассер, было принятие Гутрумом и его приближенными христианства, причем крестным отцом Гутрума должен был стать сам Альфред. Через несколько недель Гутрум был крещен. По сообщению Дудона, одним из главных условий французского договора было крещение Роллона и его дружинников и принесение им присяги верности Карлу, т. е. включение осевших скандинавов в систему вассалитета. Ряд с Рюриком – в условиях язычества обеих сторон – предусматривал соблюдение варяжским правителем местных обычаев и норм права.

В-третьих, договоры регулировали отношения новопоселенцев с местным населением. В древнерусском ряде варягов обязывали придерживаться местных обычаев. В договоре Альфреда и Гутрума не только устанавливаются равные вергельды за убийство англо-сакса и дана, но и специальный раздел (ст. 5) определяет правила, которых должны придерживаться англо-саксы и даны при общении между собой.

В-четвертых, предполагалось, даже если это не оговаривалось специально (как в древнерусском ряде и в договоре Альфреда и Гутрума), что расселившиеся по договору скандинавы будут в дальнейшем противостоять набегам новых скандинавских отрядов⁹³.

В целом результаты этих соглашений были примерно одинаковы: скандинавы постепенно интегрировались в местные общества, хотя процессы интеграции протекали по-разному и с разной скоростью. Условия договора Карла с Роллоном автоматически включали норманнов в социально-политическую структуру французского общества и устраняли культурные (в первую очередь, конфессиональные) различия. Нормандское герцогство изначально являлось частью Франкской империи, на которую формально распространялись (другой вопрос, как они выполнялись) все имперские порядки.

Никаких уступок скандинавам ни в социальной, ни в политической, ни в культурной сферах не предусматривалось ни этим договором, ни последующими жалованными грамотами французских королей герцогам нормандским. Следствием «официальной» интеграции скандинавов явилась их полная ассимиляция на протяжении менее полутора столетий: норманны Вильгельма Завоевателя, потомка Роллона, высадившиеся в Англии в 1066 г., не имели ничего общего со своими скандинавскими предками, но являлись носителями французской социально-политической системы, французской культуры и даже французского языка. Расселение скандинавов оставило мало следов в местной культуре, как материальных (известно крайне небольшое число скандинавских погребений), так и языковых (количество скандинавских по происхождению лексем исчисляется единицами, а важнейший из «скандинавских» топонимов – название самой области расселения, «Нормандия»)⁹⁴. Интеграция скандинавов во Францию была, таким образом, односторонним и стремительным процессом, не оставившим следов в местной культуре.

Несмотря на близость положений договора Альфреда с Гутрумом и Сен-Клерского договора, между ними было принципиальное различие: Карл рассматривал норманнов исключительно как своих вассалов и регулировал отношения между центральной властью и служилыми наемниками; английский же договор – это договор между партнерами, призванный установить мир и регламентировать взаимоотношения между местным населением и завоевателями (хотя и потерпевшими поражение в борьбе с Альфредом). Результатом этого договора стало возникновение самостоятельного, независимого от Уэссекса государственного образования — Обла-

⁹³ Это условие далеко не всегда соблюдалось: так, Роллон действительно больше не опустошал владений Карла Простоватого, но активно участвовал в набегах на земли вассалов Карла, находившихся с ним во враждебных отношениях. Даны, расселившиеся в Восточной Англии и Нортумбрии, оказывали посильную помощь своим соотечественникам, нападавшим на Англию после 890 г.

⁹⁴ *Fellows Jensen G. Scandinavian Names and Viking Settlement in Normandy // Namn och Bygd. 1988. Arg. 76. P. 113–138.*

сти датского права (Денло), которое просуществовало всего около 50 лет, но специфика которого признавалась всеми последующими английскими королями вплоть до Кнута Великого и Вильгельма Завоевателя⁹⁵.

Верховная власть в Денло, а затем в Нортумбрии до конца X в. принадлежала скандинавским (датским, с середины X в. – норвежским) правителям. В Денло было введено отличное от англо-саксонского административное деление: по образцу древнескандинавских округов, имевших свой тинг (общее собрание свободных для решения законодательных, судебных и иных общезначимых вопросов, включая утверждение нового конунга), были созданы административные округа, получившие наименование *wapentak* (др. – исл. *vapnatak*), букв. «взятие оружия», с судом низшей инстанции. Как и в Скандинавии, где существовала иерархия тингов (окружной, областной и общеземельный тинги), устанавливается трехступенчатая система судебных органов. Другой, также древнескандинавский принцип административного деления – на трети – лег в основу формирования административных округов в Йоркшире и Линкольншире. Почти без изменений в Денло была принята не только скандинавская система судопроизводства, но и скандинавское право, непосредственным субъектом которого было все свободное население (англо-саксы вошли в сферу действия этого права)⁹⁶. Вместе с тем норманны быстро усвоили многие элементы организации древнеанглийского общества, в первую очередь связанные с функционированием государства: налоговую систему, административные институты и пр. Тем самым, Денло как государственное образование носило ярко выраженный синтезный характер, унаследовав значительную часть структурирующих государство институтов от англо-саксов, но внося в них многочисленные изменения и дополнив или заменив некоторые из них скандинавскими. Эти особенности социально-политической организации Денло оставались нетронутыми вплоть до конца XI в.

Наиболее ярким свидетельством культурного взаимодействия англо-саксов и норманнов является английский язык, в котором около 10 % словарного состава представляют скандинавские заимствования эпохи викингов. Среди заимствованных лексем – правовые и социальные термины, хозяйственные и бытовые обозначения, топографические термины и т. п.⁹⁷. Велико было влияние и англо-саксонской культуры на культуру Скандинавии, в том числе и на ее христианизацию.

Таким образом, взаимодействие между скандинавами и англо-саксами привело к синтезу обоих сообществ при доминировании английской культуры и последующей ассимиляции скандинавов.

Договор с Рюриком институционализировал контроль скандинавов над Балтийско-Волжским путем и заложил основы для возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти, ведущую роль в осуществлении которой играли скандинавы. Однако и местная знать, очевидно, обладала властными функциями: этому способствовала общность ее интересов и интересов скандинавов. При этом фактически скандинавской по происхождению была лишь относительно немногочисленная военная элита.

Почти полное отсутствие синхронных письменных источников (древнерусские летописи отражают переосмысленную летописцем конца XI – начала XII в. устную историческую традицию) не позволяет детально восстановить политическую структуру и характер этого образования. Лишь сохранившиеся в восточных источниках X в. описания, восходящие ко второй поло-

⁹⁵ Stenton F. M. *The Danes in England*. Oxford, 1969; Richards J. D. *Viking Age England*. Charleston, 2000; Sawyer P. *Scandinavians and the English in the Viking Age*. Cambridge, 1995; Vikings and Danelaw / J. Graham-Campbell et al. Oxford, 2001.

⁹⁶ Fenger O. *The Danelaw and the Danish Law: Anglo-Saxon Legal Relations during the Viking Period* // *Scandinavian Studies in Law*. 1972. Vol. 16. P. 83–96; Kristensen A.K. G. *Danelaw Institutions and Danish Society in the Viking Age* // *MS*. 1975. Vol. 8. P. 27–85.

⁹⁷ Geipel J. *The Viking Legacy. The Scandinavian Influence on the English and Gaelic Languages*. Newton Abbot, 1971; Kishbye N. *Vikingerne i England*. Sproglice spor. Aarhus, 1982.

вине IX в., содержат некоторые далеко не полные и, видимо, односторонние (в силу интересов и культурных традиций восточных писателей) указания на его политический строй. В них представлено общество, разделенное на две страты, которые арабские писатели обозначают этнонимическими названиями: «ар-рус» и «ас-сакалиба». Первые – это военная элита, которая собирает дань с ас-сакалиба и реализует полученные ценности в торговле с арабами. Вторые – мирные земледельцы. Восточные писатели подчеркивают «военизированность» общественного строя ар-рус, во главе которых находится по существу военный вождь, осуществляющий также судопроизводство и другие функции центральной власти, и его подчиненность целям дальней торговли (сбор даней, захват пленных для последующей продажи). Важной особенностью этого «государства» является отсутствие какой-либо связи ар-рус с земельными владениями: арабские писатели обращают специальное внимание на то, что движимость является единственным имуществом даже знатных членов общества.

В этих «сторонних» и кратких описаниях отчетливо видны принципиальные отличия политического образования на Северо-Западе Восточной Европы как от скандинавских «государств» Западной Европы, где основой их формирования была земледельческая колонизация, так и от ранних государств в самой Скандинавии, в которых необходимым условием социального полноправия человека было владение наследственным участком земли (одалем), а торговля составляла одно из важных, но далеко не основных занятий населения. Пожалуй, единственным действительно сходным было лишь положение главы раннегосударственных образований в Восточно-Европейском и Западно-Европейском регионах: правителя с доминирующей военной функцией (военные успехи конунга были непрямым условием сохранения им своего статуса), но выполняющего и все остальные функции государственного управления с помощью личной дружины.

Поэтому, хотя возникновение государственного образования вдоль Балтийско-Волжского пути стимулировалось торговой деятельностью скандинавов, оно не воспроизводило сложившихся в скандинавских странах структур: его появление, равно как и социально-политическое устройство, диктовалось, прежде всего, его экономической основой – дальней торговлей. Особенности данного государственного образования определялись предпосылками его возникновения и задачами, которые оно должно было решать. И те и другие не имели прямых аналогий ни в скандинавском, ни в финском, ни в славянском обществах, и потому формирование в нем государственных институтов шло особым, иным, нежели в Англии, путем.

Если во Франции герцогство Нормандия было первым и последним политическим образованием скандинавов, то в Англии и на Руси процесс государственной консолидации следующих волн скандинавов продолжился и в X в. С самого начала этого столетия начинается завоевание норвежцами северо-западной Англии и юго-западной Шотландии, которое завершается в 919 г. захватом Йорка и образованием в Нортумбрии норвежского королевства⁹⁸. Оно просуществовало до 954 г., когда английский король Эадред изгнал из Йорка Эйрика Кровавая Секира и восстановил английский контроль над этой областью. Таким образом, и Денло, и норвежское королевство просуществовали недолго и были, каждое в свою очередь, поглощены английским государством. Однако они оставили глубокий след в политическом и социальном устройстве англо-саксонской Англии и в ее культуре.

Аналогичным образом Рюрик был не единственным вождем викингских отрядов, обосновавшимся в Восточной Европе. ПВЛ коротко упоминает о некоем Туры (< *Pórir*), основателе города Турова, и рассказывает о расправе Владимира с полоцким князем «и-заморья» Рогволодом (< *Rögnvaldr*) и его семьей. Но наиболее важным для формирования Древнерусского государства стало вокняжение в 882 г. (дата условна) в Киеве еще одного выходца с Севера,

⁹⁸ The Archaeology of York / P.Y. Addyman. York, 1976; Viking Age York and the North/ R. A. Hall. L., 1978.

которого летописцы связывают с Рюриком родством или службой, – Олега. Пришедший, по преданию, из Ладожско-Ильменского региона вместе с сыном Рюрика Игорем, Олег объединил северный и средnedнепровский центры государственности и тем самым заложил основы Древнерусского государства. Хотя в Среднем Поднепровье господствовало производящее хозяйство и раннегосударственное образование возникло здесь, по крайней мере, за несколько десятилетий до появления Олега⁹⁹, мотивация перемещения на юг и образ действий военной элиты скандинавского происхождения мало отличались от Ладожско-Ильменского региона. Главным стимулом освоения Днепровского пути была возможность сбыта полученных с подчиненных славянских племен даней в Византии, что стало особенно актуальным в конце IX–X в., когда Хазария сильно осложнила торговлю по Балтийско-Волжскому пути. Деятельность же киевской военной верхушки – росов – ив середине X в., судя по ее описанию византийским императором Константином Багрянородным, чрезвычайно напоминала изображенный восточными писателями образ действий ар-рус в IX в. И те и другие не имеют земельной собственности, представляют собой военизированное сообщество, управляемое вождями (по Константину, «архонтами»), среди которых выделяется «великий князь» (в качестве такового Константин упоминает Игоря), собирают дань со славянских племен, характеризуемых Константином как «пактиоты», т. е. союзники росов, и реализуют ее в системе международной торговли в Константинополе¹⁰⁰. Обеспечению регулярной торговли служили и заключаемые росами договоры с Византией (911 и 944 гг.). Как кажется, на юг, в Среднее Поднепровье, были первоначально перенесены те принципы политической и социальной организации общества, которые родились и оформились в Ладожско-Ильменском регионе.

Однако политическая ситуация в Среднем Поднепровье принципиально отличалась от Ладожской. С одной стороны, здесь существовал ряд крупных, соперничавших за господство политических образований – древлян, северян и др. Подчинение их Киеву было важной задачей центральной власти, решение которой заняло более половины столетия и осуществлялось, в том числе, и насильственными методами. С другой стороны, существовала постоянная угроза со стороны степных кочевников. И то и другое требовало сохранения военной организации, более того, ее реорганизации на постоянной основе и выделения отдельных отрядов для осуществления контроля на подчиняемых землях. Такая реорганизация не могла происходить лишь за счет вновь прибывавших с севера скандинавов. К середине X в. уже очевидно включение славян и финнов в состав военной верхушки киевского общества. В договоре Игоря 944 г. в числе «послов» князей «земли русской» и «купцов» названы лица, носившие прибалтийско-финские и славянские имена. О включении славян в высшую элиту свидетельствует имя одного из воевод Святослава – Претича, организовавшего в 968 г. оборону Киева от печенегов. Более того, и сам правящий в Киеве род понемногу воспринимает славянские имена, т. е. обнаруживает явную тенденцию к культурной интеграции в славянское общество. К концу X в. скандинавы, осевшие в Восточной Европе в IX – начале X в. и образовавшие новую военную элиту Древнерусского государства, и вновь прибывающие скандинавы – наемники и купцы – составляли уже две различные культурные группы, носившие разные наименования. Первые называются летописцем «русью» и воспринимаются им как «свои». Вторые – «варягами», которые изображаются летописцами конца XI – начала XII в. как враждебные и опасные иноземцы, которых можно использовать как наемников, но которым нельзя доверять¹⁰¹.

В противоположность крестьянской колонизации Англии, которая оставила множество следов в социальных и политических структурах английского государства, равно как и в куль-

⁹⁹ Горский А. А. Русь. С. 54–64.

¹⁰⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989.

¹⁰¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

туре англо-саксов, скандинавы в Восточной Европе, участвуя в процессах образования Древнерусского государства – в разной форме на разных этапах, – не оказали существенного влияния на его дальнейшее развитие. Первоначальные формы ранней государственности не были привнесены в Восточную Европу извне, они формировались под влиянием местных условий. Образовав новую военную элиту, которая концентрировала военные и административные функции, скандинавы с самого начала вынуждены были взаимодействовать с местной племенной знатю и включаться в новую инокультурную среду. Ярчайшим свидетельством этого является отмечаемый Константином Багрянородным билингвизм росов и незначительное количество скандинавских лексических заимствований в древнерусском языке, сопоставимое с числом слов, пришедших в древнескандинавские языки из Восточной Европы¹⁰². Инкорпорирование скандинавской по происхождению элиты в славянское общество осуществлялось в процессе постоянных и тесных контактов со славянской знатю и завершилось ассимиляцией скандинавов, осевших в древнерусских городах и воспринявших местную культуру.

(Впервые опубликовано: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже (труды Государственного Эрмитажа. XLIX). СПб., 2009. С. 89–100)

¹⁰² Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 62–75.

Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства

Е. А. Мельникова

В название статьи вынесен едва ли не самый дискуссионный вопрос истории Древней Руси, отягощенный не только и не столько скудостью и отрывочностью письменных источников, сложностью сопряжения лингвистических данных с историческими, сколько идеологическими, политическими и эмоциональными соображениями¹⁰³. Не вдаваясь в перипетию более чем двухвековых споров – их истории посвящена обширная литература¹⁰⁴, – надо отметить его актуальность и в настоящее время.

С одной стороны, в последние десятилетия XX в. был накоплен огромный новый археологический материал: открыты неизвестные ранее памятники¹⁰⁵, обстоятельно исследованы комплексы, известные, но мало до того изученные¹⁰⁶; введен в науку огромный корпус нумизматических материалов¹⁰⁷; критически изданы многочисленные известия зарубежных письменных источников по истории Руси, информация которых подвергнута обстоятельному анализу с применением современных методов источниковедения¹⁰⁸. Наконец, начат пересмотр устоявшихся в советское время представлений о развитии восточнославянского общества, путях образования и характере Древнерусского государства¹⁰⁹. Надо подчеркнуть, что все эти новейшие материалы – и в этом их особая ценность – не втиснуты в прокрустово ложе «норманнского вопроса», а демонстрируют широкую картину взаимодействия разноэтничных народов на просторах Восточной Европы времени зарождения и становления Древней Руси.

С другой стороны, в XXI в. был реанимирован «антинорманизм» образца середины XIX в. – в той его форме, которая была выдвинута М.В. Ломоносовым и развита С. А. Геденовым¹¹⁰, немедленно подверглась резкой критике его современников как не соответствующая научному уровню того времени¹¹¹, находилась в забвении на протяжении почти ста лет,

¹⁰³ Шаскольский И. П. Антинорманизм и судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 35–51; Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.

¹⁰⁴ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985; Хлезов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

¹⁰⁵ Например, городище в Супрутах в Тульской обл., Любшанское городище около Старой Ладogi, поселения Поволховья и Поозерья, многие «малые» города Древней Руси и др.

¹⁰⁶ В том числе такие знаменитые в контексте «норманнского вопроса» памятники, как Гнёздово (Д. А. Авдусин, Т. А. Пушкина), Новгородское (Рюриково) городище (Е.Н. Носов), Тимерево (И. В. Дубов, В.Н. Седых), Шестовица (В.П. Коваленко) и др.

¹⁰⁷ Фокин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1982; Noonan Th. Ninth century Dirhem Hoards from North West Russia and the Southeastern Baltic // JBS. 1982. Vol. XIII. № 3. P. 220–244; Idem. Dirhems from Early Medieval Russia // JRNS. 1984/1985. No. 17. P. 8–12.

¹⁰⁸ Издания свода «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы» (до 1993 г. – «Древнейшие источники по истории народов СССР») и хрестоматия «Древняя Русь в свете зарубежных источников» / Т.Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2009–2010. Т. I–V. Библиографию свода см. в последнем изданном томе: Коновалова И. Г. Ал-Идрили о странах и народах Восточной Европы. М., 2006 [На сегодня последний том – Подосинов А. В., Скрижинская М.В. Римские географы: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. – Прим. ред.]. Общ. обзор информации зарубежных источников о Восточной Европе см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е. А. Мельникова. М., 1999.

¹⁰⁹ См.: ВЕДС. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992; ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995; Он же. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 13–412; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; и др.

¹¹⁰ Геденов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. I–II (переиздание с предисл. и коммент. В. В. Фомина. М., 2004).

¹¹¹ См. рецензии на труды С. А. Геденова: Погодин М. Геденов и его система о происхождении варягов и Руси // Записки АН. 1864. Т. 6. № 2. Приложение; Первольф О. О. Варяги, Русь и Балтийские Славяне // ЖМНП. 1877. Ч. 192. В рецензиях

возрождена А. Г. Кузьминым в 1970-е¹¹² и ныне поднята на щит его учениками и последователями¹¹³. Подмена скандинавов прибалтийскими славянами – на основании, прежде всего, так наз. народных этимологий (типа *варяги* = *вагры*), западнославянских влияний на язык и материальную культуру северо-западных областей Древней Руси (при этом западные славяне смешиваются с поморскими) и крайне немногочисленных следов поморских славян в археологическом материале – наивная (в рамках научного дискурса) попытка «славянизировать» отечественную историю. Она, как и антинорманизм прошлого, сужает исследовательское пространство, сводя его все к тем же «этимологическим» и «этническим» вопросам¹¹⁴.

Между тем, в последние десятилетия XX в. произошло существенное расширение контекста, в котором рассматривались ранние русско-скандинавские отношения. С одной стороны, начали учитываться взаимодействия как славян, так и скандинавов с прибалтийско-финскими и финскими племенами Верхнего Поволжья и междуречья Оки и Волги¹¹⁵. С другой стороны, была предложена концепция циркумбалтийской цивилизации¹¹⁶, в рамках которой русско-скандинавские контакты перестали рассматриваться как двусторонне замкнутые: они предстали в перекрестных связях с другими народами Балтийского региона¹¹⁷, в том числе с поморскими славянами¹¹⁸. Новые перспективы открывает и западноевропейский контекст – сопоставление деятельности скандинавов на Руси и в странах Западной Европы: в Англии, Ирландии, Франции¹¹⁹.

Таким образом, и накопление нового материала, и состояние новейшей историографии диктует необходимость возвращения к вопросам, связанным с местом скандинавов в истории образования и становления Древнерусского государства.

одновременно отмечалась продуктивность критики норманизма у С. А. Геденова; и действительно, она вызвала оживление исследований русско-скандинавских отношений «норманистами» (см.: *Моулин В. А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Рос. X. S. 363–367).

¹¹² Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // *ВИ*. 1970. № 10. С. 28–55. Впрочем, несколькими годами позже А. Г. Кузьмин считал, что «варяги» были кельтами (*Он же*. Об этнической природе варягов // *ВИ*. 1974. № 11. С. 54–83), и лишь затем окончательно утвердился в поморско-славянском происхождении варягов.

¹¹³ Сборник Русского исторического общества. «Антинорманизм» / Редколлегия: В. В. Дегоев, В. А. Захаров, А. Т. Кузьмин, И. А. Настенко, О. М. Рапов, В. В. Фомин, Ю. В. Яшнев. М., 2003 (См. рец.: *Котляр П. Ф.* В тоске по утраченному времени // *Средневековая Русь*. М., 2007. Вып. 7); *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. О методах работы современных антинорманистов см.: *Мельникова Е. А.* Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // *Родина*. 2009. № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57.

¹¹⁴ Наиболее тревожащий современных «антинорманистов» вопрос – славянское vs. скандинавское происхождение слова «варяг». О крайней ограниченности исследовательской проблематики в области русско-скандинавских связей, навязанной антинорманизмом, см.: *Мельникова Е. А.* Тени забытых предков // *Родина*. 1997. № 10. С. 17–20.

¹¹⁵ См. работы В. А. Назаренко, О. И. Богуславского о Западном и Южном Приладожье и карелах, И. В. Дубова о Ярославском Поволжье, С. И. Кочуркиной о Юго-Восточном Приладожье и карелах, А. Е. Леонтьева о Сарском городище и мери, Е. А. Рябинына о мери и мн. др.

¹¹⁶ Идея тесной связи всех народов, населявших берега Балтийского моря, лежала в основе коллективного труда, авторами которого были немецкие, польские, русские, финские и скандинавские археологи: *Wikinger und Slawen / J. Herrmann*. В., 1982 (пер. на рус. яз.: *Славяне и скандинавы* / Пер. Г. С. Лебедева под общ. ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986). Позднее Г. С. Лебедев подробно сформулировал и разработал ее: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985 (переиздание: СПб., 2005).

¹¹⁷ См.: *Славяне и скандинавы; Muller-Wille M.* Die Ostseegebiete während des frühen Mittelalters. Kiel, 1989; *Duczko W.* Wiking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.

¹¹⁸ Именно эта почти не исследованная проблема, а не попытки доказать, что варяги есть славяне, является одной из важных и новых исследовательских задач отечественной науки. Относительно изучены археологические следы связей поморских славян с Данией и Южной Швецией (трудами польских, немецких, скандинавских археологов), матримониальные связи датской и упсальской династий правителей с правящими родами вендов и ободритов (см.: *Успенский Ф. Б.* Скандинавы – Варяги – Русь. М., 2002).

¹¹⁹ *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // *ДГ*. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; *Мельникова Е. А.* Скандинавы в Англии и Восточной Европе: формы интеграции // *Россия и Британия на путях к взаимопониманию. Сб. докладов англо-российского симпозиума*. М., 2010. С. 403–416.

* * *

Спорадические контакты Скандинавии и Восточной Прибалтики (и далее на восток вплоть до Камы) существовали уже в неолите. Однако перманентные связи этих регионов устанавливаются в середине I тыс. н. э., когда в результате миграций из перенаселенных областей Восточной Скандинавии¹²⁰ появляются первые колонии скандинавов на территории современных Литвы (Кауп), Латвии (Гробине), Эстонии (Прооза в черте Таллинна, на о. Сааремаа)¹²¹. Немаловажное значение играла и торговля с местным населением, о чем свидетельствуют материалы Каупа (Вишнева), само название которого происходит от др. – сканд. *кайр* «покупать; торг»¹²². Материалы исследованных памятников указывают на доминирование мирных взаимоотношений новопоселенцев с местным населением.

Важным этапом в продвижении скандинавов в Восточную Прибалтику и далее вглубь Восточной Европы стало освоение свейми Аландских о-вов – мостика из Средней Швеции к берегам Финского залива¹²³. После заселения Аландов корабли могли не выходить в открытое море, а плыть вдоль шхер Шведского Архипелага, Аландских островов и берегов Финского залива. Это существенно облегчило связи в северо-восточной части Балтики, сделав Невско-Ладожский маршрут наиболее удобным для плаваний в Восточную Европу.

Начавшееся в VI в. – задолго до начала эпохи викингов и до славянской колонизации Северо-Запада — продвижение скандинавов на восток уже не прекращалось, постепенно расширяясь и охватывая все новые территории. Следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв. обнаружены на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риеккала у северного побережья Ладожского озера¹²⁴, одновременные поселения открыты на о. Сааремаа. Стоянки, как полагают, принадлежали охотникам на пушного зверя или скупщикам пушнины, которая была главным стимулом для продвижения скандинавов на восток¹²⁵. Однако добыча мехов в это время, видимо, удовлетворяла по преимуществу потребности внутрискандинавского рынка: система коммуникаций Балтийского региона была еще мало связана с Североморской торговой сетью¹²⁶.

Именно в этот период на территории прибалтийско-финских племен возникает сохранившееся до сих пор как обозначение Швеции именование скандинавов словом *Ruotsi / Rootsi*, производным от др. – сканд. **Rōþs(-menn, -karlar)* – композита, употреблявшегося по отношению к гребцам и воинам, участникам походов на гребных судах¹²⁷. Профессиональное наиме-

¹²⁰ Одним из таких исчерпавших ресурсы внутренней колонизации регионов был Готланд – память об этой ситуации сохранила «Сага о гутах», написанная в XIV в. В ней воспроизводится предание о нескольких волнах выселения с Готланда в Восточную и Южную Прибалтику, одна из которых предположительно датируется именно этим временем. См.: Сага о гутах / Пер. с древнегютского и коммент. С. Д. Ковалевского // СВ. 1975. Вып. 38. С. 307–311. О хронологии «Саги о гутах» см.: Nerman B. Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.

¹²¹ Кулаков В.И. Кауп// Становление европейского средневекового города. М., 1989; Он же. История Пруссии до 1283 года. М., 2003; Nermann B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958; Дезмант К. Предметы скандинавского происхождения среди вещевого материала каменного могильника Прооза среднего железного века (Y-YI вв.) // IX Сканд. конф. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 178–179; Седов В. В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 15, 17.

¹²² Предметами обмена служили железные изделия, оружие, украшения (со стороны скандинавов) и продукты сельского хозяйства, кожи и т. п. (со стороны местного населения).

¹²³ Кальмер Ю. Археологические древности Руси// Stratum plus. 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 153–157.

¹²⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1981. S. 19–20; Седов В. В. Финно-угры и балты. С. 45.

¹²⁵ Ср.: Callmer J. Verbindungen zwischen Ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // JfGO. 1986. Bd. 34. S. 357–369.

¹²⁶ Мельникова Е. А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 год. М., 2010. Так, крупный торговый центр на юго-западе Ютландского п-ова Риббе имел в VI–VII вв. тесные связи с Фризией и через нее с Англией, но материалы раскопок говорят о его слабых контактах с Балтикой: Bencard M. Excavations 1970–1976. Esbjerg, 1990.

¹²⁷ См. подробнее: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Эволюция названия *русь* в процессе становления Древнерусского государства// ВИ. 1989. № 8. С. 24–38. Отмечу, что изобретение паруса скандинавами датируется V–VI вв., но каботажные плавания и плавания по рекам осуществлялись и позже на гребных судах. См.: Nylén E. Technologie des Schiffbaus und

нование было переосмыслено как этноним, чему способствовала относительная этническая однородность пришельцев: подавляющее их большинство было выходцами из Свеаланда.

* * *

Эпоха викингов¹²⁸ внесла принципиальные изменения в масштабы и характер деятельности скандинавов в Восточной Европе. Берега Восточной Балтики стали объектом нападений викингских отрядов¹²⁹. Началось продвижение норманнов на восток, цели и характер которого диктовались местными условиями. Во-первых, географические особенности Северо-Запада – плавание по рекам с мелями и порогами – не способствовали викингским набегам, успешность которых в значительной степени зависела от их внезапности. Да и возможная добыча была несопоставима с той, на которую викинги могли рассчитывать в Западной Европе. Поэтому грабеж местного населения не являлся, как на Западе, стимулом для экспансии. Во-вторых, северо-западные земли не были привлекательны и с точки зрения сельскохозяйственной колонизации, которая началась на Западе Европы со второй половины IX в.: бедные, малопродуктивные почвы даже в поймах рек, заболоченность, густые лесные массивы оставляли мало возможностей для земледелия¹³⁰.

Единственным действительно привлекательным предметом на востоке была пушнина, добыча которой – охотой или обменом с местным населением – была уже давно налажена. Установление регулярных контактов со странами Западной Европы¹³¹ и выход к крупнейшим торговым магистралям и портам североморского региона и Ла-Манша требовали существенного расширения объема поставок ценных мехов¹³². Пушнина и рабы пользовались неограни-

Veränderung der Hafenanlagen // *Przegląd Archeologiczny*.. 1987. Т. 34. S. 283–288.

¹²⁸ По новейшим данным, ее начало датируется 730-ми гг.

¹²⁹ В королевских сагах упоминаются летние набеги на земли Восточной Прибалтики (чаще всего на Эстланд и Курланд) почти всех конунгов Свеаланда и Вика (Южная Норвегия) вплоть до первых десятилетий XI в., а также данничество эстов, ливов и куршей, которое, однако, вряд ли можно рассматривать как сколько-нибудь устойчивое подчинение восточно-балтийских племен; скорее это были разовые поборы: неслучайно «подчиняют себе и облагают данью» то или иное племя многие конунги Упсалы – каждый раз как бы заново. См.: *Джаксон Т. Н.* ИКС-1993.

¹³⁰ *Кирьянов А. В.* История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 306–362; *Жекулин В. С.* Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. ВГО. 1972. № 1. С. 21–29; *Коневский В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // ИИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 3–19. И в более позднее время, в XII–XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока. В последнее время земледельческую колонизацию предполагает И. Янссон (*Jansson I.* Warfare, Trade or Colonisations? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // *The Rural Viking in Russia and Sweden.* Orebro. 1997. Р. 9–64). Думается, что даже присутствие скандинавских имен в берестяных грамотах, присланных в Новгород из сельской местности в XI–XIV вв. (*Мельникова Е. А.* Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // *Славяноведение.* 1999. № 2. С. 10–15), свидетельствует лишь о том, что в соответствующих деревнях – располагавшихся по преимуществу на водных путях – размещались новгородские сборщики даней или воины, контролировавшие пути, а не колонисты-земледельцы. Именно поэтому скандинавские имена в берестяных грамотах единичны и, как правило, вкраплены в списки славянских имен (единственное исключение составляет грамота № 2, где присутствует несколько скандинавских личных имен, одно из которых входит в состав топонима).

¹³¹ Традиционно считается, что эпоха викингов, в особенности ее начальная фаза, выражалась исключительно в форме грабительских набегов скандинавов. Действительно, осады Парижа и Лондона, разграбление Гамбурга и Дорестада – яркие и наиболее запомнившиеся современникам эпизоды этой эпохи. Но не менее, а может быть, и более важным было включение скандинавов в существовавшую к тому времени систему международной торговли: не случайно, значительное количество походов викингов было направлено на обеспечение своего участия в мировой торговле: см., например, о деятельности конунга Хедебу Готфрида в конце VIII – начале IX в.: *Мельникова Е. А.* Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata.* Памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38. О том же говорит и поступление сердоликовых бус в Скандинавию из Каролингской Франции (*Callmer J.* Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800-1000 AD. Lund, 1977).

¹³² Главными предметами импорта из Скандинавии до того времени – почти исключительно в рамках внутривосточноевропейской торговли – были железо, поставляемое из Средней Швеции, и жировик, вывозимый из Норвегии (в небольших количествах жернова из жировика поступали на Рейн). Дания поставляла на балтийский рынок центральноевропейские импорты (в значительной степени – предметы роскоши), поступающие с юга.

ченным спросом в Западной Европе и ценились весьма высоко. Рабы добывались во время грабительских набегов на прибрежные города и поселения самой Западной Европы – в них обращались захваченные жители этих селений¹³³. Пушниной же изобилует север Восточной Европы. И именно сюда двинулись многочисленные отряды искателей богатства и славы.

Главной формой взаимодействия между скандинавами и финскими племенами была меновая торговля¹³⁴, память о которой сохранилась в некоторых повествованиях саг¹³⁵. Вероятно, уже в это время образуется сеть пунктов, где происходили сезонные встречи скандинавских торговцев, при случае всегда готовых применить силу, и местного населения: возможно, именно этой цели служили возникавшие финские городища – около их укреплений мог происходить торг. Одним из таких торжищ первоначально могла быть и Старая Ладога. Усвоение скандинавами финского наименования речки, при впадении которой в Волхов и возникло это поселение, в качестве названия самого поселения – фин. *Alode-jogi* > др. – сканд. *Aldeigja* (в скальдических стихах; позднее – *Aldeigjuborg*)¹³⁶, говорит как о первичности финно-скандинавских контактов в этом регионе, так и о значительной роли финского населения в реализации этих контактов.

Другой сферой взаимодействия скандинавов и финнов было участие последних – в качестве проводников по труднопроходимой местности – в освоении скандинавами сильно разветвленной сети рек, озер и речушек к востоку и югу от Ладожского озера и в открытии системы водных путей, ведущих на Волгу. Отголоски такого «сотрудничества», возможно, сохранились в рассказах саг о древних временах, действие которых происходит на Северо-Западе Восточной Европы и в которых настойчиво повторяются «финские» мотивы, причем в них финны не всегда выступают в качестве злых колдунов¹³⁷, но оказываются и помощниками, излечивающими героя-скандинава от ран, и проводниками в незнакомой местности¹³⁸.

Важнейшей вехой в процессе формирования Балтийско-Волжского пути было основание Ладоги – скандинавского форпоста в месте перехода от морской системы коммуникаций к речной¹³⁹. По новейшим данным, древнейшие постройки Ладоги относятся к 750-м гг.¹⁴⁰, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные контакты с Южной Ютландией, а через нее – с Фризией¹⁴¹. В ранних слоях Ладоги присутствуют следы и финского населения¹⁴². Очевидно, однако, что само ее возникновение является результатом того, что скандинавы регулярно и в немалом количестве оказывались в этом стратегически важном пункте, и свидетельством того, что в первой трети VIII в. участок пути от Финского залива до,

¹³³ Многие западноевропейские источники отмечают продажу скандинавами христиан. См., например, «Житие св. Ансгария» Римберта (*Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti* / G. Waitz // MGH SRG. 1884) и др.

¹³⁴ Сведений о продаже скандинавами финнов в качестве рабов на европейских или восточных рынках не имеется, что, впрочем, не исключает такой возможности.

¹³⁵ Описание процедуры меновой торговли скандинавов и жителей Восточной Европы, правда, осложненное фольклорными мотивами, содержится в «Саге об Ингваре»: Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 235–236 (текст), 265–266 (перевод).

¹³⁶ Mikkola J.J. Ladoga, Laatokka // Journal de la Societe Finnoougrienne. 1906. Т. XXIII, 23. Р. 1–12; Джаксон Т.Н. Альдейгьюборг: археология и топонимика // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб., 1994. С. 77–79.

¹³⁷ Таков стереотипный образ финна в королевских сагах. См.: Джаксон Т.Н. «Финны» в «Саге об Инглингах» // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 56–61.

¹³⁸ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

¹³⁹ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля в VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 38–79. Нева еще долгое время спустя воспринималась не как река, а как часть Финского залива, соединяющая его с Ладожским озером.

¹⁴⁰ Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории // Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 63.

¹⁴¹ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / В. В. Седов. Л., 1985. С. 24–25; Он же. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 28–53; Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX века // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99–105.

¹⁴² Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории. С. 54.

как минимум, Ладоги был освоен. Вероятно, известен был в это время и следующий – Волховский – отрезок пути вплоть до Ильменя. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладоги – единственного вплоть до середины IX в. протогородского центра на Северо-Западе Восточной Европы – говорит, во-первых, о том, что пути далее на юг использовались еще не столь интенсивно, и, во-вторых, что ее основание не было результатом местного развития: она возникла как узловой пункт, завершавший на востоке балтийский отрезок трансевропейской торговой магистрали, начинавшейся в Южной Ютландии, но сам путь еще не стал действовать на всем его протяжении.

Вторая половина VIII в. – время выхода скандинавов на Верхнюю Волгу, что фиксируется выпадением первых кладов восточного серебра на Северо-Западе Восточной Европы. В Ладоге и ладожской округе найдено несколько кладов дирхемов, датируемых по младшей монете 780-ми гг.¹⁴³. Эти клады невелики по размерам, но само их появление, а также наличие скандинавских граффити (слов и отдельных знаков) на монетах Петергофского клада (первые годы IX в.)¹⁴⁴ указывает на активную роль скандинавов в их поступлении на Север. Однако восточное серебро приходит на Север еще не по Волжскому пути, а по Дону¹⁴⁵. Это означает, что Волжский путь еще не начал активно функционировать на всем его протяжении и Волжская Булгария еще не стала главным местом встречи скандинавов и арабов¹⁴⁶.

К середине VIII в., видимо, относится славянская земледельческая колонизация Приильменя и Поволховья¹⁴⁷. Цепочка поселений вырастает в Поозерье, а затем далее вдоль берегов Волхова, и в третьей четверти VIII в. в Ладоге появляются славянские древности¹⁴⁸. Однако уровень социальной дифференциации продвинувшихся в этот регион словен, земледельцев и скотоводов, был еще довольно низким: относимые словенам погребальные памятники – сопки – являются родовыми усыпальницами, и их инвентарь не обнаруживает сколько-нибудь отчетливых следов социальной дифференциации. Вместе с тем, уже само сооружение огромных, до 10–12 м высотой, насыпей свидетельствует о выделении знати¹⁴⁹.

Балтийско-Волжский путь возникает не как самостоятельный внутренний восточноевропейский маршрут, но, в первую очередь, как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия и. э. системы коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. Роль Балтики неизмеримо возросла после того, как арабские завоевания в восточной части Средиземноморья перекрыли традиционные еще со времен

¹⁴³ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. 1976. Вып. VIII. С. 95–110; Noonan T. S. Ninth-century dirham hoards from European Russia: a preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / M. A. S. Blackburn, D.N. Metcalf. 1981. P. I. P. 47–174; Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории. С. 58–59; Фомин А. В. Староладожские кладовые восточных монет конца VIII–IX вв. // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. сообщ. СПб., 2007. С. 66–67.

¹⁴⁴ Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 26–47; Мельникова Е. А. СРН НИИ. С. 115–120.

¹⁴⁵ Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами; Нахпетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 139–152.

¹⁴⁶ См.: Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.

¹⁴⁷ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XII вв. М., 1982. С. 64–66; Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия и. э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11); Он же. Раннегородские центры Поволховья: проблемы возникновения и соотношения // XIII Сканд. конф. М.; Петрозаводск, 1997. С. 163–166.

¹⁴⁸ Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. – практ. конф. Псков, 1989. С. 29–30; Кузьмин С. Л. Первые десятилетия истории ладожского поселения // Петербургский археологический вестник. Европейская Сарматия. Сб. ст. к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб.; Кишинев, 1997.

¹⁴⁹ Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тыс. и. э. // НИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 3–26; Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

античности пути в Переднюю Азию и далее на восток. На Северное и Балтийское моря перемещается основной торговый поток между Западом и Востоком, который ранее проходил по Средиземному морю¹⁵⁰. Новая геополитическая конъюнктура оказалась необычайно выгодной сначала для фризов, а затем и для скандинавов, которые практически монополизировали балтийскую и восточную торговлю¹⁵¹.

На протяжении IX в. формируются две основные ветви Балтийско-Волжского пути, ведущие на Волгу: северная – к востоку от Ладожского озера по рекам Сясь, Паша, Оять, Олонка к Белому озеру и далее по Шексне, и южная – по Волхову, Ильменю, Мете, Кунье или Ловати¹⁵². Они маркируются скандинавскими древностями¹⁵³, в том числе погребальными памятниками, а также торгово-ремесленными поселениями, значительную часть населения которых составляли скандинавы¹⁵⁴. Таковы – на северном ответвлении – городища на р. Сясь и Олонка, Крутик около Белого оз. На южном – на развилке речных магистралей от оз. Ильмень в середине IX в. возникает Городище под Новгородом (Рюриково), которое являлось военным опорным пунктом и контролировало вход из Волхова в оз. Ильмень¹⁵⁵. В Верхнем Поволжье появляются торгово-ремесленные центры у впадения в Волгу р. Которосль (Тимерево)¹⁵⁶, которая вела в Волго-Окское междуречье, и у оз. Неро (Сарское городище поблизости от Ростова)¹⁵⁷, где начинался путь на Оку.

Интенсивность, а вероятно, и характер использования северной и южной ветвей северо-западного отрезка Балтийско-Волжского пути были неодинаковы. Памятники, содержащие скандинавские древности, равно как и торгово-ремесленные центры на северной ветви пути концентрируются (не только в IX, но и в X в.) в его начале – к востоку от Ладожского озера, и в центральной части – у Белого озера. На остальной территории они немногочисленны и рассредоточены, а торгово-ремесленные центры (некрупные даже на Сяси-Ояти-Олонке) не выявлены. Иначе выглядит картина освоения южной ветви пути. И Поволховье, и Приильмень, и Верхнее Поволжье уже в IX в. довольно густо заселены, вдоль рек лежат славянские сельские поселения. Размеры торгово-ремесленных центров здесь велики, и их деятельность

¹⁵⁰ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Rurik // SEHR. 1952. Vol. 1; Hodges R. Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983.

¹⁵¹ Мы почти не знаем случаев появления на Балтике купцов из Западной Европы (кроме фризов) или арабского мира. Уникальным является сообщение о посольстве Абд ар-Рахмана II (эмира Кордовы) вскоре после нападения норманнов на Севилью (884 г.) к королю и королеве народа ал-маджус во главе с Иахйя ибн ал-Хакамом ал-Бакри по прозвищу ал-Газаль (770–864 гг.): предполагается, что он посетил Хедебю (рассказ о посольстве сохранился в сочинении андалусского историка начала XIII в. Ибн Дихий; см.: Allen W.E.D. The Poet and the Spae-Wife: an Attempt to Reconstruct al-Gazal's Embassy to the Vikings. Dublin; L., 1960. См. также: Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 133–134). Не случайно, именно на IX–X вв. приходится расцвет эмпориев как на Балтике (Рибе, Хедебю, Каупанг, Бирка), в том числе и в землях поморских славян (Рерик, разрушенный конунгом Хедебю Готфридом в 808 г.; Ольденбург, Волин), так и на Северном море и в Ла Манше (Дорестад, Квентовик, Лондон). Они богатеют и развиваются на перепродаже товаров, перевозимых с востока на запад и обратно. В начале XI в. в Сигтуне существует «фризская гильдия» – объединение фризских (или скандинавских, торговавших с Фризией) купцов (Wessen E. Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1949. B. VII: Upplands runinskrifter. Del 2. N.I.S. 138–149, 161–165. No. 379, 391.), видимо, осуществлявшая транзит товаров, привезенных с востока в Бирку и их перемещение далее на запад.

¹⁵² От Ильменя начинались и пути на запад: по Шелони, Великой, Чудскому озеру и др.

¹⁵³ Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // JBS. 1982. Vol. XIII. No. 3. P. 267–295; Седов В. В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Сканд. конф. М., 1993. Ч. 1. С. 104–106.

¹⁵⁴ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

¹⁵⁵ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. Новые материалы и исследования. СПб., 2005.

¹⁵⁶ Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; Фехнер М. В., Недошвина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // С. А. 1987. № 2.

¹⁵⁷ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1975; Он же. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

чрезвычайно интенсивна. Скопления скандинавских древностей отмечаются не только в торгово-ремесленных центрах, но и в других местах (например, в Петровском и Михайловском), нередко на ответвлениях от основного маршрута¹⁵⁸.

Различия в распределении скандинавских древностей вдоль северного и южного участков Балтийского-Волжского пути позволяют предположить, что в Ладожско-Ильменском регионе и Ярославском Поволжье протекала оживленная торговая деятельность, тогда как на севере, скорее, действовали по-прежнему скупщики пушнины, лишь изредка селившиеся на длительный срок. Они передвигались небольшими группами, используя разнообразные маршруты, останавливались, как правило, в поселениях местных жителей, меняли пушнину на предметы по большей части скандинавского производства, а не привозные восточные предметы роскоши: не случайно, среди скандинавских древностей здесь преобладают такие предметы обихода, как ножи.

Ключевое звено общеевропейской системы коммуникаций, Балтийско-Волжский путь, благодаря чрезвычайно разветвленной системе речных маршрутов, консолидировал огромную территорию на Северо-Западе Восточной

Европы, представляя собой широкую зону¹⁵⁹. В ней создавалась сложная инфраструктура: возникали торговые центры, куда поступали из «глубинки» продукты питания для обеспечения как населения самих поселений, так и проплывавших через них купцов; свозились потенциальные товары (пушнина, мед, воск и мн. др.), а также предметы и материалы, необходимые для починки судов и для деятельности купцов; доставлялось сырье для ремесленного производства. Эти центры привлекали как скандинавских, так и местных ремесленников, спрос на изделия которых был неизменно высок. Необходимость обеспечивать безопасность и самого пути, и торгово-ремесленных центров заставляла размещать здесь военные отряды¹⁶⁰. Наконец, часть населения была непосредственно вовлечена в навигацию: проведение судов через пороги и мели (по Волхову, Западной Двине и др.), волочение судов в местах перехода из одной речной системы в другую. Тем самым население обширного региона на Северо-Западе Восточной Европы со второй половины VIII в. оказалось втянутым в интенсивную и разнообразную деятельность, вызванную функционированием Балтийско-Волжского пути.

Наиболее активно эксплуатировалась северо-западная часть пути – прежде всего, Поволховье: в Ладого, видимо, завершалось плавание значительной части скандинавских купцов. Здесь они могли приобрести все основные товары как местного происхождения, так и восточные предметы роскоши, а также продать товары, привезенные с Запада. Показательно, хотя эти сведения и относятся уже к XI в., что подавляющее число торговых поездок скандинавов на Русь имеет целью Новгород¹⁶¹.

Создание зоны Балтийско-Волжского пути имело кардинальные последствия для развития местных племенных обществ¹⁶². Доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное

¹⁵⁸ Так, концентрация кладов арабского серебра IX в. наблюдается в вятском регионе – у поворота Волги на юг (поселений торгово-ремесленного типа здесь не выявлено): Мельникова Е. А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы на Русском Севере. Киров, 1997. С. 132–139.

¹⁵⁹ Арел этой зоны, как уже указывалось, маркируют скандинавские древности.

¹⁶⁰ Не случайно, некрополи возле таких центров обнаруживают высокую концентрацию «дружинных», воинских захоронений.

¹⁶¹ Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // СС. 1988. Вып. XXXII. С. 117–128; Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.

¹⁶² О не только экономической, но и социально-политической роли дальних торговых путей в развитии позднплеменных обществ, особенно при их переходе к раннегосударственной организации см. исследования К. Поланьи и др. (Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies / G. Dalton. Boston, 1968; Trade and Market in the Early Empires / K. Polanyi. Glencoe, 1957; Polanyi K. Ports of Tread in Early Societies // JEH. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; Idem. Trade, Market and Money in the European Early middle Age // NAR. 1978. Vol. II. P. 92–117; Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 14–28; Массон В. М. Обмен и торговля в доклассовом обществе // ВИ. 1973. № 3). В отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и

социальное развитие тех племен, которые жили в зоне торгового пути: он интенсифицировал имущественное расслоение общества, выделение и обособление знати¹⁶³, привлекал племенную верхушку в крупные центры торговли¹⁶⁴, сближал ее интересы с интересами скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов, к которым племенная знать имела наиболее естественный и легкий доступ. Даже скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего обособления. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней и требовала увеличения ее размеров, что влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и, соответственно, усиление центральной власти.

Благодаря этому, к 860-м гг. в Поволховье и Приильменье формируется особый регион, экономически ориентированный на дальнюю торговлю, в котором возникают предпосылки для образования государства¹⁶⁵. Сказание о призвании Рюрика и его братьев, восходящее к устной исторической традиции этого региона¹⁶⁶, очевидно, отражает не только (а может быть, и не столько) конкретный факт установления власти предводителя одного из скандинавских отрядов, сколько сложившуюся к этому времени ситуацию: консолидацию племенных элит, тяготивших к крупным центрам на Балтийско-Волжском пути, и контроль скандинавов над торговлей и над самим путем.

Во второй половине IX в. Северо-Запад Восточной Европы, поставщик ценных товаров, привлекает внимание арабов, что находит отражение во включении сведений о нем в труды восточных писателей. К несохранившимся сочинениям IX в. восходит комплекс сведений об «острове (стране)» народа ар-рус у Ибн Русте (начало X в.), в «Худуд ал-'алам» (ок. 982 г.), у Гардизи (середина XI в.)¹⁶⁷, а к первой половине X в. – о трех видах («джинс») русов, населяющих Восточную Европу («Славия», «Куявия» и «Артания / Арса») у ал-Истахри (930–

внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают лишь небольшую часть общества – формирующуюся знать и практически не затрагивают более широких слоев населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах стимулируют в первую очередь их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяют концентрировать богатства в руках тех, кто осуществляет контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества. В. О. Ключевский считал торговлю (в том числе и по Волжскому пути) основополагающим фактором в развитии городов и «городовых областей» и тем самым существенной предпосылкой зарождения государственности на Руси (Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 143–150). Однако советская историография отказалась от «торговой» теории В. О. Ключевского, хотя констатация значения торговли для экономического развития общества является общим местом. См. также: Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32; Носов Е. Н. Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Stratum plus. 1999. № 5. С. 112–118.

¹⁶³ MacCormack C. P. Exchange and Hierarchy // Economic Archaeology. 1981. P. 159–166. (BAR. 96). Ср.: Hodges R. State Formation and the Role of Trade in Middle Saxon England // Social Organization and Settlement. 1978. P. 439–453 (BAR. 47–11).

¹⁶⁴ О концентрации знати местных племен свидетельствуют некрополи у торгово-ремесленных поселений. Существует лишь один собственно скандинавский могильник в Восточной Европе – в урочище Плакун напротив Ладоги. Все остальные обнаруживают смешение северных и местных, финских и славянских, погребальных традиций (Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. // Археологические вести. 1994. № 3. С. 192–200).

¹⁶⁵ Мельникова Е. А. К типологии; Массон В. М. Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // Современность и археология. СПб., 1997. С. 34–37. О торговле как основе политогенеза в Ладожско-Ильменском регионе см. также: Milhle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

¹⁶⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

¹⁶⁷ Большинство исследователей традиционно считают, что «остров русов» следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень. См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 308–309; Коновалова И. Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 208–213.

950 гг.) и Ибн Хаукала (950–960 гг.)¹⁶⁸. Содержащиеся в них описания русов позволяют в определенной степени реконструировать социально-политическую организацию и экономические основы раннегосударственного образования, сложившегося в Поволховье.

Народ ар-рус традиционно отождествляется со скандинавами, ас-сакалиба – со славянами, наименования «видов русов» – с политическими (?) образованиями, сложившимися в Ладожско-Ильменском регионе («Славия», сопоставляется с этнонимом «словене»), Среднем Поднепровье («Куявия» от ойконима «Киев») и, вероятно, Волго-Окском междуречье («Арса», если принимать отождествление этого топонима с позднейшим названием города Ростов)¹⁶⁹. Суммируя информацию об «острове русов» и «Славии», можно говорить о том, что экономической основой протогосударства в Поволховье была торговля, в которой доминирующую роль играли скандинавы¹⁷⁰. Торговая деятельность русов обеспечивается эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов¹⁷¹. Это изъятие продуктов для непосредственного потребления¹⁷². Наконец, это более или менее упорядоченный сбор дани в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории¹⁷³. Отголоски даннических отношений славянского и финского населения Северо-Запада и скандинавов нашли отражение также в упоминании «варяжской дани» в сказании о призвании варягов, где сборщиками дани, как и у Гардизи, названы сами варяги. Впрочем, не исключено, что сбор дани осуществлялся и местной племенной знатью внутри каждого из племен.

Констатируя значение торговли для русов, арабские авторы обращают внимание на ее организацию, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей. Ибн Русте и автор «Худуд ал-'алам» отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью – выплату правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова русов», то они – важное свидетельство развитых и упорядоченных торговых отношений, которые уже оформлены правовыми нормами¹⁷⁴ и в которых активное участие принимает центральная власть. Именно наличие в обществе русов потестарных институтов (по

¹⁶⁸ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 264–323; Коновалова И. Г. Восточные источники. С. 216–220.

¹⁶⁹ Согласно «Повести временных лет», Киевскому государству предшествовали два независимых политических образования (в современной отечественной терминологии – «союзы племен», «племенные княжения», «славинии»); в Ладожско-Ильменском регионе и в Среднем Поднепровье. Возникновение первого летописец связывает с местными славянскими и финскими племенами и деятельностью варягов (Сказание о призвании варягов), второго – со среднеднепровскими славянами, прежде всего полянами (Легенда о Кие).

¹⁷⁰ «И нет у них (ар-рус. – Е.М.) недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям», – пишет Ибн Русте (Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303). Разумеется, торговля представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями народа ар-рус. См.: Vitestam G. The people of ar-Riis as Merchants According to Arabic Sources //KVHAA. Filologisk-filosofisk serien. 1975. B. 15.

¹⁷¹ «Они (русы. – Е.М.) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают» (Ибн Русте: Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 303).

¹⁷² «Всегда 100–200 из них (русь. – Е.М.) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание» (Гардизи: Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 305).

¹⁷³ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полудье) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. О «кружении» как главном источнике доходов «росов», часть которого вывозится ими на рынок Константинополя, писал в середине X в. Константин VII Багрянородный: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 50–51, коммент. – С. 330.

¹⁷⁴ Косвенным, но чрезвычайно важным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение местной знатью ряда договора с варягами; более того, отразившиеся в Сказании о призвании варягов условия ряда указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывавшей различные сферы жизни (см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов.).

меньшей мере, аппарата для сбора пошлин и наказания нарушителей установленных правил торговли) и центральной власти, сосредоточенной в руках «царя» («малика» или «хакана», по Ибн Русте) русов (наряду с ролью «малика» отмечается важная роль жрецов)¹⁷⁵, позволяет говорить о возникновении здесь протогосударства.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль, возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры, и к середине IX в. возникает предгосударственное образование. Не являясь «носителями основ государственности»¹⁷⁶, скандинавы, тем не менее, сыграли существенную роль в экономическом и социально-политическом развитии севера Восточной Европы, поскольку именно их деятельность привела к формированию Балтийско-Волжского пути, установлению торговых контактов с арабским миром, притоку огромных ценностей, в первую очередь, арабского серебра, на север Восточной Европы. Участие в международной торговле определило общность интересов северных купцов и местной племенной знати и требовало более или менее мирного сосуществования всех трех этнических общностей¹⁷⁷ при контроле скандинавов над торговлей. Поэтому не случайно, что оформление государственных начал в этом регионе летописец связал именно с варягами, используя в качестве этиологического предания о происхождении древнерусской правящей династии сказание о призвании варягов. «Вокняжение» Рюрика, предводителя одного из викингских отрядов, стало (в результате соглашения с местной знатью или путем захвата власти) лишь завершением по меньшей мере столетнего доминирования скандинавов в транзитной торговле между Востоком и Западом и знаменовало возникновение раннегосударственного образования в Ладожско-Ильменском регионе.

* * *

Рассказ «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 882 г. о захвате Киева князем Олегом (< *Helgi*) рассматривался древнерусскими летописцами (равно как – с определенными оговорками – и современными историками) как поворотный момент в истории восточного славянства – объединение Северной и Южной Руси и возникновение единого Древнерусского государства. Именно с этого момента подвластные Олегу «варязи и словены и прочи прозваша русью», а Киев был провозглашен Олегом «матерью городов русских»¹⁷⁸.

К этому времени Среднее Поднепровье было регионом с развитым производящим хозяйством, высокой плотностью земледельческого населения и густой сетью поселений, которые образовывали своего рода гнезда вокруг укрепленных городищ, где сосредоточивалась ремесленная деятельность¹⁷⁹. Между крупными племенными объединениями полян и древлян¹⁸⁰ шла

¹⁷⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303, 311–312.

¹⁷⁶ В IX в. процесс становления государств и в самих Скандинавских странах был еще далек от завершения.

¹⁷⁷ О славяно-скандинавском «симбиозе» писал В. Т. Пашуто: *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. XV. С. 51–62; *Он же.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 год. М., 1974. С. 103–114. В свете новейших археологических материалов, однако, трудно согласиться с тем, что основной причиной формирования «северной конфедерации» была угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих вглубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя отдельные столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить (*Stalsberg A.* Scandinavian Relations with Northwestern Russia. P. 267–295).

¹⁷⁸ ПВЛ-1996. С. 14.

¹⁷⁹ *Смиленко А. Т., Юренко С. П., Сухобоков О. В., Пархоменко О. В.* Культуры восточных славян и их соседей в предгосударственный период // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 106–140.

¹⁸⁰ *Моця А. П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990; *Он же.* *Поляни-русь та інші літо-*

борьба за главенство в регионе, который входил в сферу влияния Хазарского каганата, и племена левобережья Днепра выплачивали «хазарскую дань»¹⁸¹.

Практически полное отсутствие скандинавских древностей к югу от водораздела Западной Двины – Днепра – Верхней Волги до рубежа IX–X вв.¹⁸² могло бы рассматриваться как доказательство незнакомства скандинавов с Днепровским путем и Южной Русью, по крайней мере, в первой половине IX в., если бы не упоминания византийских источников о нападениях отрядов народа рос на города, расположенные в юго-западной части Черного моря, которые относятся уже к началу IX в.¹⁸³. Эти походы были, вероятно, первыми «прорывами» скандинавов на юг по еще мало известным пространствам Восточной Европы и новооткрытым путям переходов, связывавших реки бассейнов Балтийского и Черного морей. В первой половине IX в. в византийском антропонимиконе появляются скандинавские имена¹⁸⁴. Возникшее тогда же наименование *Tmg*, первоначально обозначавшее скандинавов, является, видимо, рефлексом самоназвания их отрядов — *rōps(menn)*¹⁸⁵. Крайнему комплексу известий о росах принадлежит сообщение Вертинских анналов (839 г.) о появлении в Ингельгейме у Людовика Благочестивого послов от некоего «кагана» к византийскому императору Феофилу, которые назвались росами, а на деле оказались свеонами (шведами)¹⁸⁶. Наконец, о том же времени как начале более или менее регулярных контактов европейского севера и Византии говорят появление византийских импортов в Скандинавии (в IX в. еще очень малочисленных), включение византийских милиарисиев в состав кладов арабских монет¹⁸⁷, а также греческое граффито *Zacharias* на арабской монете из Петергофского клада¹⁸⁸.

Однако ни один из упомянутых зарубежных источников не содержит прямых свидетельств использования росами Днепровского пути в начале IX в. Напротив, некоторые из них указывают скорее на то, что скандинавы достигали Черного моря по Волге (с волоком Волга-Дон?) или Дону. О том же говорят и маршруты поступления арабского серебра на север Европы: преимущественно по Дону, а не по Днепру¹⁸⁹. Упоминание «кагана» росов в Вертинских анналах, которое породило историографический штамп о существовании в 830-е гг. в Среднем Поднепровье восточнославянского государства, чей правитель носил титул «каган» (в последние годы распространилась локализация «русского каганата» в Ладожско-Ильменском регионе), наиболее естественно соотнести с главой хазарского государства¹⁹⁰,

писні племена півдня Східної Європи // А се его сребро: збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 16–24; Горский А. А. Русь.

¹⁸¹ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Петрухин В. Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 69–100; Калинина Т. М. Ал-хазар и ас-сакалиба // Там же. С. 101–110.

¹⁸² Археологические исследования последних двух десятилетий показали, что скандинавские древности появляются в Подесенье уже в конце IX в. См.: Андросчук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.

¹⁸³ Древнейшее упоминание о нападении на Амастриду содержится в Житии Георгия Амастридского: Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3.

¹⁸⁴ Ок. 825 г. некий Ингор (Ἰγγεο < Ingvart) становится митрополитом Никеи, а жену византийского императора Василия I Евдокию (род. ок. 837 г.) называют по имени отца Ингериной, т. е. ее отца звали Ἰγγεο или Ἰγγοο < Ingvart (ср.: Игорь). См.: Бибигов М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. 1986. Вып. XXX. С. 97–105.

¹⁸⁵ Бибигов М. В., Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59. С. 35–39.

¹⁸⁶ MGH SS. 1885. Т. 1. Р. 434. Перевод на русский язык и комментарии см.: Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 7–15; Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 288–290.

¹⁸⁷ Duczko W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and Their Interpretations // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8-14. Jahrhunderts. Stuttgart, 1997. S. 291–311.

¹⁸⁸ Мельникова Е. А. СРН ПР. С. 115–119.

¹⁸⁹ См. выше примеч. 43.

¹⁹⁰ Альтернативной является точка зрения о том, что «каганат росов» находился в Поволховье.

а росов-свеонов рассматривать как членов хазарского посольства в Византию¹⁹¹. Вероятно, магистралью, ведущей в Византию, мог на раннем этапе служить не только Днепровский, но и Волжский путь.

Однако, как в Поднепровье, так и в Среднем и Нижнем Поволжье скандинавских древностей IX в. практически не обнаруживается, нет здесь и поселений, основание которых можно было бы связать с пребыванием скандинавов¹⁹².

До середины – второй половины IX в. Среднее Поднепровье представляется транзитной зоной, через которую проходили редкие отряды наиболее предприимчивых и удачливых «морских конунгов», наслышанных о богатствах Востока и Византии. Их целью было быстрое обогащение с помощью грабежа, что соответствует целям викингов в других областях Европы. Они нападают на города Западного Причерноморья и Константинополь, но не задерживаются на своем пути и, соответственно, почти не оставляют следов в материальной культуре. Лишь временами они вступают в контакты с местными правителями, подчас оказываются у них на службе, но не оседают у них надолго.

Только в середине IX в., видимо, Среднее Поднепровье как таковое оказывается в сфере интересов скандинавских отрядов: возрастание значения Днепровского пути обуславливалось тем, что Хазарский каганат чем далее, тем более препятствовал проникновению отрядов викингов на свою территорию, и они редко спускаются по Волге ниже Булгара¹⁹³. Именно тогда возникает потребность в организации контрольных пунктов на Днепре для обеспечения нормального функционирования магистрали и установления отношений с местным населением. Этот этап продвижения скандинавов на юг, вероятно, отразился в рассказе о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира¹⁹⁴. Изображение их в ПВЛ как соправителей подвергается обоснованным сомнениям¹⁹⁵: не исключено, что в Киеве в середине IX в. сменилось несколько скандинавских отрядов со своими предводителями, но целью их, насколько можно судить по летописи, был не сам Киев, а богатые города Византии. Поэтому единственным деянием Аскольда и Дира, о котором рассказывает составитель ПВЛ (кроме их вокняжения в Киеве), был поход на Царьград¹⁹⁶, отождествляемый с нападением росов на Константинополь в 860 г., о котором пишет очевидец и участник события патриарх Фотий¹⁹⁷. На основании этого предания более или менее уверенно можно говорить лишь о закреплении скандинавов в середине IX в. в Киеве и использовании его в качестве базы для походов на Константинополь¹⁹⁸.

Утверждение скандинавских правителей в Киеве – бесспорное свидетельство возросшей роли Днепровского пути. Но повествования об Аскольде и Дире показывают также, что, во-первых, скандинавы не основывают в Поднепровье новые поселения (таковым станет Гнёздово

¹⁹¹ См.: *Laehr G.* Die Anfänge des Russisches Reiches. B., 1930. S.16, 122; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 63; *Авдусин Д.А.* Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159–169. В 830-е гг. между Византией и Хазарией происходит интенсивный дипломатический обмен, завершившийся тем, что император Феофил направил инженера Петру Каматира для строительства крепости Саркел на Дону. См.: *Науменко В.Е.* Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары. С. 231–244.

¹⁹² *Измайлов И. Л.* «Русь» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999. С. 94–100.

¹⁹³ *Noonan Th.* The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic // *Hikuin*. 1985. No. 11. P. 41–50; *Коновалова И. Г.* Походы росов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 111–120.

¹⁹⁴ ПВЛ-1996. С. 13; НПЛ. С. 106.

¹⁹⁵ См. обсуждение этого вопроса: *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 51–54.

¹⁹⁶ ПВЛ-1996. С. 13.

¹⁹⁷ См.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 47–82; *Кузенков П. В.* Известия о первом походе руси на Константинополь в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 год. М., 2002. С. 3–172.

¹⁹⁸ Ср. аналогичные базы викингов IX в. в Западной Европе: на островах в устьях Темзы, Рейна, Сены и др.

несколько позже), а пытаются внедриться в уже существующие славянские центры и, во-вторых, контингент оседающих в Киеве скандинавов еще крайне малочислен и неустойчив: он не может противостоять войску Олега. В отличие от Северо-Запада, скандинавские отряды на юге еще и в середине IX в. являются внешней, чуждой славянскому обществу силой, и их интересы не пересекаются с интересами местной знати. Изолированным эпизодом оказалось и крещение вождей росов, осуществивших набег 860 г., о котором составитель ПВЛ, весьма чуткий к вопросам христианства на Руси, видимо, даже не знал¹⁹⁹.

Вокняжение Олега в Киеве положило начало новому этапу деятельности скандинавов в Южной Руси²⁰⁰. Вместе с Олегом появился постоянный и значительный контингент скандинавов: по выражению летописца, пришедшие с Олегом «варязи и словени и прочи прозвашася русью»²⁰¹. Именно с этого момента, вероятно впервые, скандинавские по происхождению правители и их окружение заняли в Киеве господствующее положение.

Поход Олега на Константинополь принципиально отличен от нападений росов первой половины – середины IX в.: он завершается не только приобретением военной добычи²⁰², но и – главное – установлением прочных политических и торговых связей, регламентированных договором 911 г., обеспечивающим интересы военной элиты и регулирующим ее торговые и политические связи с Византией²⁰³. Известия о подчинении Олегом древлян, северян, радимичей, очевидно, отражают начало сложного и длительного процесса «собирания» восточнославянских земель, консолидации племенных территорий в единое государство. Упоминания об установлении «даней» свидетельствуют об упорядочении обложения включаемых в состав Русского государства племен. Таким образом, Олегу за время его правления удалось сосредоточить в своих руках военную, политическую, административную и фискальную верховную власть²⁰⁴, что коренным образом отличает его деятельность как от походов викингов на Западе, так и от активности норманнов на Северо-Западе Восточной Европы: это более или менее последовательная (хотя, вероятно, не всегда осознанная) политика, преследующая цели укрепления «Русской земли».

Описание «образа жизни росов» в трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного (ок. 950 г.) являет картину широкой деятельности военной, скандинавской по происхождению, элиты формирующегося Древнерусского государства²⁰⁵. Ее власть распространяется на огромную территорию и реализуется разными способами в различных регионах. Южная, непосредственно подвластная Киеву область охвачена полюдьем («кружение», «полюдия» у Константина) как формой прямого обложения подвластных киевскому князю племен: фискальные функции выполняют сами князья («архонты») и дружинники киевского «великого» князя. Это традиционный для скандинавов (ср. вейцла) способ сбора натуральных податей, который отмечался и восточными писателями в характеристике русов. Другой формой отношений со «славиниями-пактиотами» (т. е. данниками в

¹⁹⁹ Ник. дополняет сообщение о походе упоминанием о крещении Аскольда и Дира после нападения на Константинополь (под 6384/876 г.) (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX: Патриаршая или Никоновская летопись. С. 13). См. также: *Melnikova E. Varangians and the Advance of Cristianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries // Fran Bysans till Norden. Ostliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / H. Janson. Mahno, 2005. P. 97–138.*

²⁰⁰ Ср. около 100 лет, прошедших от первых следов проникновения скандинавов в Поволхвье до возникновения Ладоги.

²⁰¹ ПВЛ-1996. С. 14.

²⁰² Хотя ей придавалось столь большое значение, что даже в кратком пересказе предания о походе летописцы уделяют этому мотиву большое место.

²⁰³ Предположение о том, что после набега на Константинополь 860 г. был заключен первый договор Византии с росами (Сахаров А. Н. Дипломатия. С. 59–82), не имеет опоры ни в русских, ни в византийских источниках, поэтому вопрос о нем остается открытым.

²⁰⁴ Именно в цикле сказаний об Олеге впервые появляется сюжет о покорении соседних восточнославянских племен и обложении их данью. См.: Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 год. М, 2003. С. 48–92.

²⁰⁵ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–51.*

соответствии с договором-пактом) была поставка ими в Киев моноксил (которые, впрочем, покупались, а не присваивались росами): как из не охваченного полюдьем Северо-Западного региона («Немогарда» Константина Багрянородного), так и из центров на территории племен, посещаемых во время полюдья, – кривичей Верхнего Поднепровья («Милиниси»), северян Подесенья («Чернигоги» и «Телиуцы» – Чернигова и Любеча). Гигантские размеры территории потребовали уже в середине X в. введения наместничества (известного скандинавам и дома): Константин упоминает о том, что в Новгороде «сидел» Святослав, сын «архонта Росии» Игоря. Полученные во время полюдья дани, видимо в значительной части состоящие из пушнины, меда, воска и т. п., а также рабы²⁰⁶ перевозятся теми же росами в Константинополь и там поступают на рынок. В представлениях информаторов Константина²⁰⁷, росы полностью обособлены от местного населения и представляют собой изолированную элитную группу, однако их деятельность предполагает взаимодействие с местным населением. И такое взаимодействие attestуют появляющиеся в русско-византийском договоре 944 г. славянские имена как представителей княжеского рода, так и «купцов», свидетельствующих договор²⁰⁸.

Характер скандинавских древностей в Южной Руси, становящихся все более многочисленными в середине – второй половине X в., обнаруживает прямую связь оседающих здесь скандинавов с великокняжеской властью. Богатые скандинавские комплексы концентрируются в самом Киеве²⁰⁹, в Чернигове²¹⁰ и в тяготевших к ним погостах – местах стоянки дружин (Вышгород и Китаев под Киевом²¹¹; Шестовица, Седнев, Табаевка под Черниговом²¹²), куда, очевидно, свозилась дань и откуда осуществлялся контроль над торговыми путями и племенными территориями²¹³. Здесь же, в округе Киева и Чернигова найдено пять из девяти обнаруженных на территории Древней Руси и паспортизованных арабских монет с прорезанным двузубцем – знаком Рюриковичей²¹⁴. Поселения, где стояли дружины великого киевского князя, имеются и в Верхнем Поднепровье (Гнёздово под Смоленском), и в Верхнем Поволжье (Тимерево под Ярославлем), и в Суздальском ополье (так называемые Владимирские курганы) и др., т. е. в стратегически важных пунктах, по преимуществу на окраинах формирующегося Древнерусского государства. Показательно, однако, что в Южной Руси, при богатстве погребений в некрополях Киева и Чернигова, очень мало единичных находок скандинавских предметов или комплексов. Отсутствует и собственная скандинавская топонимия для населенных пунктов: все известные скандинавским источникам южнорусские топонимы – передача местных наименований: Киев > *Koenugarðr*

²⁰⁶ Их источник не называется Константином, в отличие от восточных авторов, которые отмечают, что русы захватывают жителей-славян и продают их. См. выше примеч. 69.

²⁰⁷ Наиболее вероятно, что, по меньшей мере, одним из информантов был знатный рос, совершавший плаванья в Константинополь. См. подробнее: Мельникова Е. А. [Вводные замечания к гл. 9] *И Константин Багрянородный. Об управлении империей*. С. 291–293.

²⁰⁸ О скандинавских и других именах в русско-византийских договорах см.: Melnikova E. The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // SAS. 2004. В. 22. Р. 5–27.

²⁰⁹ Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // *Ruthenica*. Киев, 2003. Т. II. С. 26–52.

²¹⁰ Андросчук Ф. О. Нормани і слов'яни. С. 76–84.

²¹¹ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958–1961. Т. 1–2; Моця О. П. Поховання скандинавів на Півдні Київської Русі // *Археологія*. 1990. № 3. С. 90–97.

²¹² Блгфельд В. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; Андросчук Ф. О. Нормани і слов'яни.

²¹³ Петрухин В. Я., Пушкіна Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

²¹⁴ Мельникова Е. А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // *Історія Русі – України (історико-археологічний збірник)*. Київ, 1998. С. 172–181.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.